

ISSN 2470-0126 (print)
ISSN 2470-0134 (online)

ВЕСТНИК
ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА АМЕРИКИ
ВЫПУСК 7

Июнь 2019

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем выпускать «Вестник Пушкинского общества Америки», в котором публикуем архивные документы Общества, материалы мировой пушкинианы, информируем о событиях культурной жизни нашей организации, представляем американских и русскоязычных поэтов, писателей, художников и музыкантов. Периодичность выпуска — по мере возможности. Рассылка производится всем желающим по электронной почте, а также во многие библиотеки США и славистические центры университетов. Ждем ваших откликов. Если вы хотите подписаться на «Вестник», отказаться от подписки или прислать свои материалы для возможной публикации, обращайтесь по адресу: einschlag@gmail.com. Все предыдущие выпуски можно найти на нашем сайте www.americanpushkinsociety.com. Печатная версия «Вестника» продается на lulu.com.

С уважением,

Дмитрий Гаранин, ответственный редактор

НОВОСТИ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Дорогие друзья!

2019 год — юбилейный. Подготовка к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина была начата зимой и стартовала программой «Александр Пушкин в русской культуре Америки», которая с успехом прошла в помещении Центральной библиотеки Манхэттена на Пятой авеню. Считаем, что достойно отметили пушкинский год. Целой вереницей событий, объединенных общим названием ПушкинФест, славная дата была отмечена в Нью-Йорке и Бостоне.

Наша гильдия художников, которую возглавляет Елена Иосилевич, в очередной раз открыла свои двери для любителей живописи. Для более подробного знакомства с арт-проектами в этом номере мы представляем раздел «Наши фестивали». Как всегда, будем рады получить обратную связь. Пожалуйста, присылайте свои отзывы, комментарии и предложения по адресу: pushkinsociety@mail.com с пометкой в теме «Вестник», а также на все наши ресурсы в фейсбуке. Редакции и авторам очень важны ваши отклики и поддержка, которую вы можете выразить, поставив Like на нашей фейсбук-странице.

Сайт гильдии художников: <https://www.psartistsguild.com>.

Картины наших художников можно заказывать на сайте: <https://americanpushkinsociety.com>.

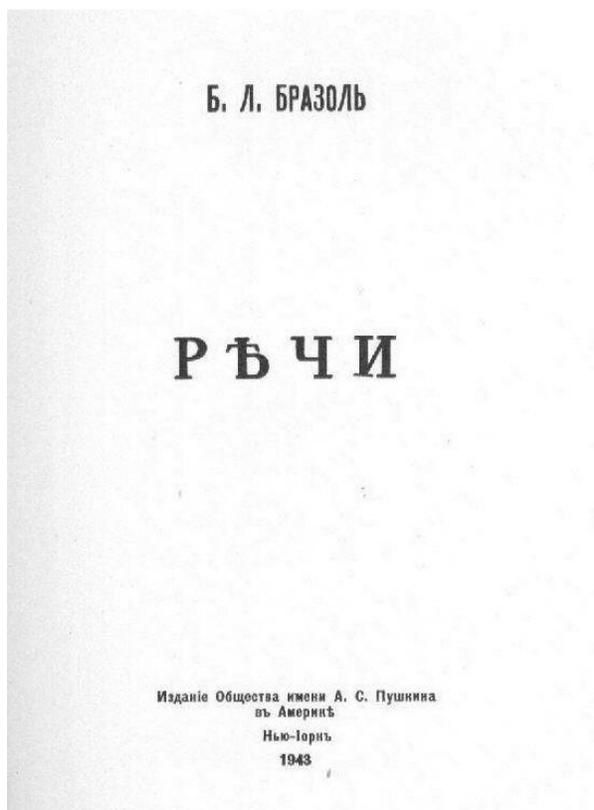
С уважением, Наталия Мизури, вице-президент Общества

НАШИ ИСТОКИ

Б. Л. Бразоль: Речь в Нью-Йорке к 100-летию со дня гибели Пушкина

Представляем вашему вниманию выступление Бориса Львовича Бразоля, основателя Пушкинского комитета в США, в дальнейшем преобразованного в наше общество. Обращение к публике, посвященное 100-летней годовщине гибели А. С. Пушкина, состоялось в Нью-Йорке в 1937 году. Этот текст наряду с другими увидел свет в первом томе «Речей» в 1943 году. Доклады Бразоля сегодня являются ценными свидетельствами эпохи и демонстрируют культуру речи образованной прослойки русских эмигрантов в Америке. Для них на чужбине во многом продолжался XIX век. Интересно, что представители первой волны так никогда и не приняли реформу русского языка и пользовались буквами ять, ер, ижица и т. д.

Мы адаптировали документ к нормам современной орфографии, однако максимально сохранили правописание слов с заглавной буквы и многое другое, чтобы позволить читателям уловить интонации и акценты говорящего.

А. С. ПУШКИНЪ

Рѣчь, произнесенная 24 Января 1937 года, въ Интернаціональ Хаусѣ, въ Нью-Йоркѣ, на Торжественномъ Собраніи, посвященномъ памяти А. С. Пушкина, устроенномъ Пушкинскимъ Комитетомъ въ Америкѣ.

Ваши Высокопреосвященства, Ваше Высочество, Господа Почетные Гости, Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!

Съ чувствомъ благоговѣйнаго трепета я приступаю къ произнесенію краткаго моего слова, посвященнаго безсмертной памяти Александра Сергѣевича ПУШКИНА.

Прошло сто лѣтъ со дня его безвременной кончины, сто лѣтъ, какъ его ужъ между нами нѣтъ, но свѣтлый его гений незримо витаетъ среди насъ, согрѣвая сердца, утомленныя жизненной борьбой, и пробуждая въ умахъ нашихъ воспоминанья о чемъ-то нѣжно-любимомъ, завѣтномъ и родномъ.

Дивная музыка его граненыхъ речей сегодня такъ же чаруетъ русскій слухъ, такъ же плѣняетъ русское воображеніе, такъ же волнуетъ русскую душу, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, когда стихи эти выливались изъ-подъ его вдохновеннаго пера, горѣли и текли,

Какъ подѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ закипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые.

Прошло сто лѣтъ. Какъ все переѣнилось! На смѣну старымъ, пришли другія поколѣнья; “бурь порывъ мятежный” расѣялъ насъ, развѣялъ прежнія мечты, разбилъ горячія надежды, но и осиротѣвшіе, лишившіеся счастья дышать воздухомъ Отчизны, впитать ея сладкіе ароматы, вслушиваться въ знакомые, и до боли родные намъ, напѣвы, — мы, од-

А. С. Пушкин

Речь, произнесенная 24 января 1937 года, в Интернэционал Хаус, в Нью-Йорке на Торжественном Собрании, посвященном памяти А. С. Пушкина, устроенном Пушкинским Комитетом в Америке.

Ваши Высокопреосвященства, Ваше Высочество, Господа Почетные Гости, Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

С чувством благоговейного трепета я приступаю к произнесению краткого моего слова, посвященного бессмертной памяти Александра Сергеевича ПУШКИНА.

Прошло сто лет со дня его безвременной кончины, сто лет, как его уж между нами нет, но светлый его гений незримо витает среди нас, согревая сердца, утомленные жизненной борьбой, и пробуждая в умах наших воспоминания о чем-то нежно любимом, заветном и родном.

Дивная музыка его граненых рифм сегодня также чарует русский слух, также пленяет русское воображение, также волнует русскую душу, как и сто лет тому назад, когда стихи эти выливались из-под его вдохновенного пера, горели и текли,

*Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как закипевшего Аи
Струи и брызги золотые.¹*

Прошло сто лет. Как все переменялось! На смену старым пришли другие поколения; «бурь порыв мятежный» рассеял нас, развеял прежние мечты, разбил горячие надежды, но и осиротевшие, лишившиеся счастья дышать воздухом Отчизны, впивать ее сладкие ароматы, вслушиваться в знакомые, и до боли родные нам напевы, — мы, однако, сохранили один бесценный, безвозвратно нам принадлежащий и от нас уже неотъемлемый клад: мы сохранили Пушкина. С годами близость его к нам становится все ощутительней, реальнее и ярче, словно кто-то бесконечно дорогой и желанный вот-вот вышел из комнаты, но все вокруг еще живо свидетельствует об его присутствии, и на всем еще лежит неизгладимый отпечаток его речей и грез, и дум.

Бесчисленные нити таинственно, но неразрывно соединяют нас с Пушкинным. Пушкин с нами. Для нас он как бы составляет самую задушевную страницу когда-то всеми нами пережитого романа, самую сокровенную сущность или животворящую сердцевину нашего общерусского всенародного бытия.

В первую очередь, конечно, мы связаны с ним узами того чудесного языка, который он сам в каком-то творческом наитии выплавил из бронзы или, как Пигмалион свою Галатею, высек из дотоле бесформенной, но драго-

ценной мраморной глыбы красочной народной нашей речи. В ней он подслушал целый мир в те дни еще не осознанных гармоний, и их он мгновенно заключил в ритмы и распевы своего неувядаемого стиха. «И что же это за стих! — в каком-то упоении воскликнул некогда Белинский. — Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельной игрой романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явились в нем в удивительной полноте: он нежен, сладостен и мягок, как ропот волны; тягуч и густ, как смола; ярок, как молния; прозрачен и чист, как кристалл; душист и благовонен, как весна; крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря».²

И вот, преломившись через многогранную призму пушкинской поэзии, русская литература вдруг, будто по мановению волшебного жезла, заговорила с только что начинавшей читать Россией на языке Грибоедова, Лермонтова и Гоголя, на языке, который явил миру такие блестящие образцы словесности, как «Горе от ума», «Демон», «Мцыри» и «Ревизор». А им вслед, из того же казальского ключа,³ из того же чистого пушкинского истока, полились слезы — жемчужины фетовской лирики и незабвенные тургеневские песни «лазурного царства» и «торжествующей любви», и бурливые ключи пылливо мятежных прозрений Достоевского, и важные гимны толстовского эпоса.

Как многоголосое эхо, на тысячу ладов, ответила Россия на пушкинские зовы. Вначале, когда поэт наш, отроком, убежал

*В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал,⁴*

мелодии его, едва рождавшиеся тогда из «семиствольной цевницы», «из звонких скважин пустого тростника», звучали еще робко и стыдливо, как первые вздохи влюбленного сердца. Но шли годы, и звуки эти, ширясь и разрастаясь, становились все увереннее, все крепче и сильнее, и наконец как вешние воды, затопили берега. Они хлынули и разлились по всему необъятному пространству Земли Русской и, докатившись до самых дальних ее пределов, нашли живой отклик и навсегда запечатлелись в сознании миллионов и миллионов русских людей. Россия не только прочитала Пушкина, не только перечитала и задумалась, не только переложила на музыку, но и горячо полюбила его, сроднилась с ним и впитала в себя его художественные замыслы, прониклась его творческими снами и, зачарованные созданною им красотой, преклонилась пред обнаружившейся безмерной мудростью.

Не как надменный ментор, не как высокомерный наставник шел Пушкин к народу с тем, чтобы его чему-то научить, в чем-то его обличить. Он шел к нему с открытою душою, как равный к равному, с тем, чтобы черпать из неиссякаемого родника русского национального духа ту, как червонное золото, неподдельную самобытность, которою обвеяны все его творения.

Безраздельно и беззаветно он слился с народною стихией. Затем он уже был просто не в состоянии отделить себя от той России, в которой он родился, вырос и возмужал; которую он любил бесконечно, как сын любит свою мать. И принял он свою Родину всю целиком, без остатка — с ее пленительной природой, с трудной и нерадостной ее историей, во всей безграничной шире, безудержной удали и задумчивой печали. Старую, милую Россию, такую, какой она представилась его умственному взору, какой она открылась его чуткому и доброму сердцу.

Какой-то всепобедной бодростью и верой в конечное торжество истины и гуманности дышит все творчество Пушкина. И не присваивая себе роли профессионального моралиста, он неизменно подходил к людям со словом ласкового приветия, и смысл многих его лирических пьес сводится к мысли, так прекрасно выраженной в известном майковском четверостишии:

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.⁵*

Не случайно, конечно, я упомянул о пушкинской мудрости, хотя и признанной народной нашей совестью, но все еще недостаточно оттененной, а частью умышленно замолчанной радикальной критикой середины минувшего века.

В самом деле, даже теперь, накануне столетней годовщины смерти Пушкина, когда мы начинаем о нем думать, перед нами неволью и прежде всего вырисовывается легкий силуэт Пушкина-лицеиста, беспечного молодого повесы, зачинщика школьных проказ, с вечно юною улыбкой на устах, всегда готового обратить серьезное в шалость, встретить смешное эпиграммой-хохотуньей, эпиграммой-егозой, разрешить грустную мысль веселым каламбуром, — светлый образ Пушкина, им самим увековеченный в 8-й главе «Онегина». Вот он:

*И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним, в безумные пиры,
Она несла свои дары
И, как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась.
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.*

Итак, перед умственным нашим взором запечатлен образ именно этого Пушкина, хотя и обаятельного, но все еще слишком неустойчивого и незрелого, слишком импульсивного и прыткого, чтобы в нем можно было искать то внутреннее равновесие, которое является мерилom и знаменателем истинной мудрости.

Однако, это традиционное представление о нашем великом поэте оказывается не только поверхностным, но и в корне ошибочным. Отчасти оно навеяно всем циклом его лицейских стихотворений, в которых пасторальные мотивы Фрагонара и Ватто так изящно сочетались с классическими сюжетами древнеэллинических мифов. Частью же легенда о некотором легкомыслии дарования Пушкина внедрялась в наше общественное сознание теми публицистами-шестидесятниками, которые за внешнею оболочкою неистощимого остроумия не сумели разгадать бездонную глубину и проникновенность его гения.

Между тем, впечатление огромного ума Пушкин производил на всех, близко его знавших и имевших возможность наблюдать воистину феноменальный рост его идейного диапазона. Император Николай Павлович в 1826 году, после первого своего разговора с Пушкиным, которому тогда едва исполнилось 27 лет, заметил графу Блудову: *«Сегодня утром я беседовал с самым замечательным человеком в России»*.⁶

Жуковский, как-то встретив у Смирновой Гоголя, жадно вслушивающегося в речи Пушкина, сказал: *«Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь... потому что каждое слово Пушкина драгоценно»*.⁷

Барант, французский посол при русском Императорском Дворе, человек тонкой культуры, в петербургском обществе часто встречавший Александра Сергеевича, не раз свидетельствовал об его исключительном и всестороннем знании Священного Писания, особенно Евангелия.

В 1832 году Гоголь писал: *«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каким он может быть явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой же очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»*.⁸

Восторженные отзывы о мудрости Пушкина встречаем мы у Белинского, который не столько разумом, сколько всем своим «неистовым» нутром, почувствовал, что в творчестве Пушкина, да и в самом его бытии, есть элемент какой-то непреложной правды и высшей справедливости. И недаром Тургенев назвал Пушкина учителем России. Недаром и Достоевский, в своей знаменитой речи на открытии пушкинского памятника в Москве, указал на то, что наиболее ярким показателем мудрости нашего поэта было его необыкновенное свойство вмещать в себе и художественно воплощать в своих произведениях дух каждого народа, неповторимые, как общечеловеческие, так и индивидуальные черты быта каждой нации. В самом деле, до-

статочно упомянуть такие произведения, как «Подражание Корану», «Мозарт и Сальери», «Скупой Рыцарь», «Борис Годунов» и «Пир во время чумы», чтобы убедиться во всеобъемлемости пушкинского художественного кругозора.

Но, конечно, не менее замечательной надлежит признать способность Пушкина запечатлевать и истолковывать сокровенные чаяния человеческого сердца, самые тайные движения души, обнаруживая в них некие вечные или родовые психологические признаки. В этом отношении у Пушкина есть лишь один соперник в мировой литературе — это Шекспир. В лице Барона Пушкин создал неподражаемый образ скряги, и притом насколько же более глубокий и идейно-сложный, чем родственные ему типы Плюшкина и Гарпагона. Пушкинский Дон-Жуан — это неисправимый любовник, знаменующий собою космическое тяготение мужского начала к началу женскому, страсть ничем не смиренную и ни перед чем не смирившуюся. В «Медном всаднике» символическое — и по мощи только с «Прометеем» сравнимое — изображение стихийной человеческой воли, силы в движении, в процессе титанического делания, в акте творческого созидания. В Сальери Пушкин сотворил единственный по цельности первообраз завистника, тогда как в ясном облике Татьяны принцип долга возведен до степени этического пафоса, который впоследствии нашел свое отражение и в тургеневской Лизе, и в Соне Достоевского, и в Наташе Толстого.

Но в нравственном укладе русского гения есть нечто совершенно исключительное, ему одному свойственное. [И эта особенность — В. К.] свидетельствует об его неизмеримой мудрости красноречивее, нежели все отмеченные ранее черты — это его лучезарное спокойствие. Даже у древних [авторов — В. К.] не наблюдаема внутренняя тишина, та солнечность души, которые ставят Пушкина не только на один уровень с другими гигантами слова — Гомером, Данте и Шекспиром, но неизмеримо выше их.⁹ Притом у Пушкина это — не холодное олимпийское спокойствие, это — не броня бездушного эгоизма, не змеиная мудрость Гете, явившаяся плодом отвлеченных выкладок логического мышления, а душевная тишина, согретая пламенем любви и всепрощения.

Просто и нелицемерно, со стоическим мужеством и христианским смирением, Пушкин подошел к тем центральным проблемам, которые из века в век тяготят и волнуют коллективную совесть человечества, в частности, и к роковой антиномии между Жизнью и Смертью.

... прав судьбы закон.

.....

Все благо: бдения и сна

Приходит час определенный.

Благословен и день забот,

*Благословен и тьмы приход!*¹⁰

Здесь, в этих четырех строках, весь Пушкин. Но Пушкин не юных дней, когда им правил «страстей единый произвол», Пушкин не безотчетно жизнерадостный, «как молодого дня за рощей первое сиянье», а Пушкин возмужалый, прошедший через горнило тяжких дум, житейских испытаний и горестных забот, закаливших свой гений в медленном огне глубокого умственного труда и всестороннего изучения истории.

Ясно и отчетливо Пушкин сознавал, что от колыбели и до могилы за нами неотступно следует тень Смерти. Но мысль эта не пугала его, не приводила, как Толстого, в состояние иступленного ужаса, а разрешалась мягким и примирительным аккордом, как в неподражаемых его «Стансах»:

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости,
Тебе я место уступаю,
Мне время тлеть, тебе — цвести.*

.....
*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.¹¹*

И нет границ этому пушкинскому спокойствию, нет конца его всепрощению, нет предела его солнечности. Как древний эллин, влюбленный в сверкающую лазурь моря, в беспредельную синеву неба, в мраморных богинь, купающихся в полуденных лучах античного солнца, Пушкин один из всех поэтов нашего времени преодолел дисгармонию между бытием и нирваной, и по слову Мережковского, достиг «самообладания, вдохновения без восторга и веселья в мудрость — этого последнего дара богов».

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Смерть великих людей кладет начало их бессмертию. Сбылось пророчество Пушкина: он не умер, к нему не заросла народная тропа, и памятник его славы вознесся выше Александрийского столпа.

Сбылось и другое — вещее тютчевское предсказание о том, что Пушкина,

*Как первую любовь,
России сердце не забудет.*

Оно и не забыло его.

Он живет в нем не только первую любовью, но и последнею надеждой. В сей день, как во времена Достоевского, в Пушкине мы видим не только вдохновенного певца былого величия России, но и залог ее грядущего возрождения, зари которой мы еще не видим, но которую уже предчувствуем.

И пусть же славное имя Пушкина, светлая память о нем, горят в сердцах русских лучом бессмертия — и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания:

1. «Евгений Онегин». Глава VI, строфа XXI.
2. В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая. О пафосе поэзии Пушкина. 1844.
Цикл 11-ти статей «Сочинения Александра Пушкина» впервые публиковался в «Отечественных записках» с 1843-го по 1846 год. Немногим позднее в России были изданы сочинения В. Г. Белинского в 12 томах. (Под ред. Н. Х. Кетчера. — Москва, 1859—1862.) Тексты Белинского были хорошо известны Б. Л. Бразолю, который со студенческих времен интересовался проблемами искусства, литературы и творческого процесса.
3. Кастальский ключ — источник, родник в Центральной Греции на горе Парнас, около Дельфов.
4. Цитируются строки из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» См.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Стихотворения 1823—1836. Сайт «Русская виртуальная библиотека»: [Электронный ресурс] // URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1830/0552.htm (дата обращения: 13.04.2019)
5. Строки из цикла стихотворений «Из Аполлодора Гностика». Аполлодор Гностик — выдуманное имя, в действительности является псевдонимом А. Майкова.
- 6—7. Бразоль в этих местах опирается на концепцию Д. С. Мережковского о Пушкине, выстроенную на основе публикации дневника А. О. Смирновой-Россет. Вопрос о подлинности слов, сказанных Николаем Первым о Пушкине, остается открытым.
8. Н. В. Гоголь. Несколько слов о Пушкине//Арабески, СПб, 1835. С. 213—235.
9. В оригинале так: Но въ нравственномъ укладѣ русскаго генія ѣсть нѣчто совершенно исключительное, ему одному свойственное, что свидѣтельствуеть объ его неизмѣримой мудрости краснорѣчивѣе, нежели всѣ отмѣченныя ранѣе черты — это его лучезарное спокойствіе, та нигдѣ, даже у древнихъ, не наблюдаемая внутренняя тишина, та солнечность души, которая ставятъ Пушкина не только на одномъ уровенѣ съ другими гигантами слова — Гомеромъ, Данте и Шекспиромъ, но неизмѣримо выше ихъ.
10. «Евгений Онегин». Глава VI, строфа XXI.
11. Строфы из стихотворения А. С. Пушкина, начинающегося словами «Брожу ли я вдоль улиц шумных....».

Подготовка публикации и примечаний Виктории Курченко

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ АРТ-ФЕСТИВАЛИ

в честь Пушкина и не только

Виталий Орлов: Фестиваль искусства и музыки

Деятельность Пушкинского общества Америки, ныне возглавляемого Викторией Курченко, в последние годы значительно активизировалась. При этом оно не замыкается на своей собственной работе, а стремится познакомить со своими достижениями как можно больше людей. С этой целью регулярно устраиваются вечера поэзии и музыки, встречи с известными деятелями искусства и литературы, вернисажи с демонстрацией раритетных находок. А если представители этих разных направлений культуры еще и объединяются в одну экспозицию, получается настоящий праздник.

Вот такими удивительными привлекательными праздниками стали ежегодные Русско-американские фестивали искусства и музыки, которые создаются гильдией художников Пушкинского общества и усилиями всей команды. В 2019 году прошла целая череда событий, посвященных 220-летию А. С. Пушкина.

Мне удалось побывать на многих вечерах, но особенно запомнился фестиваль имени моего любимого композитора — «Бескомпромиссное творчество. Рапсодия многообразия», приуроченный к 145-летию Сергея Рахманинова. В этом году такой же масштабный праздник искусств был полностью пушкинским.

В связи с этими событиями Виктория Курченко ответила на мой вопрос, становится ли Фестиваль искусства и музыки, который проводится Пушкинским обществом Америки, регулярным?

Виктория Курченко: «Да, это так. Но каждый раз мы находим какую-то новую идею, новую единую концепцию для его проведения. В прошлом году празднование 145-летия со дня рождения Рахманинова стало эпохальным событием. У нас есть подлинные документы, связанные с жизнью гения русской музыки. Мы имеем и сегодня оригинал портрета Рахманинова, сделанный в 1936 году американским фотографом Эдвардом Стейхеном. Для нашего общества Рахманинов — живая история: он был с нами с момента основания в 1935 году, часто посещал наши собрания. Кроме того, уже после смерти композитора к нам часто приходила его вдова. Сергей Васильевич жил в Нью-Йорке, был связан дружбой со многими членами нашего общества: приходил сюда, садился за рояль, и это были не концерты, а просто импровизации, которые публика очень любила.

Об этом также есть много свидетельств, и все это — живая история, некий мостик, который мы хотим перебросить к следующему поколению не только эмигрантов, но и коренных американцев. Поэтому, кстати сказать, фестиваль мы проводим на двух языках. Пушкин и Рахманинов обладали самыми разными талантами, и это отражается в содержании фестивалей. Поэтому при подготовке мы используем несколько концептуальных подходов, жанров и точек зрения на развитие социума. К тому же, творчество Рахманинова не-

видимой нитью связано с фигурой Пушкина. Мы стараемся рассказать об этом при всяком удобном случае.

В 2019 году мы провели отдельно музыкальную часть в Пушкинском Холле, а художественную — в уже привычном для нас колонном зале Тэнри. Она называлась «В поисках иллюзии: изменение ретроспективы». Состав участников: Александр Риз, Рудик Петросян, Надя Клионская, Михаил Звягин, Дэнни Гласс, Серри Вольфганг, Хуршид Назиров, Стелла и Бенджамин Шалумовы, Елена Зеленина, Ольга Маламуд-Павлович, Елена Иосилевич, Елена Добровольская, Наталья Корен-Кропф и Дареджан Адамашвили.

В этом контексте следует сказать, что Пушкинское общество Америки естественным образом привлекало к себе талантливых мастеров, включая наших современников, многие из которых стали его членами. В зале нью-йоркского Института культуры Тэнри, где фестиваль прошел уже в третий раз, была устроена выставка художников — членов Пушкинского общества Америки и его друзей. Выступая на открытии фестиваля, арт-директор Общества Елена Иосилевич заметила: «Мы даем возможность современным авторам показывать свои работы на выставках, соотнося их с важными историческими датами русской и мировой истории, нам также важно продемонстрировать традицию и в то же время продолжать оставаться ее частью».

Среди художников, представивших свои работы на выставках Пушкинского общества Америки, есть как совсем молодые, так и всемирно известные мастера: Михаил Звягин, автор знаменитых полотен о блокаде Ленинграда, Холокосте; живописец и музыкант Александр Рис с его необыкновенно «мечтательными», поэтическими городскими пейзажами; Елена Лежен со своими «золотистыми» работами. Елена Иосилевич не только предана делу как руководитель гильдии и куратор, но также является талантливой художницей, чья живопись наполнена музыкальной пластикой линий. Надолго запомнились и работы Елены Кимельблат, Александра Дудорова, скульптора Семена Каплана и других: АГ, Марины Гершман, Наталии Корен-Кропф, Нины Косман, Наталии Мак, Юлии Михри, Александра Шабатинаса, Евгения Тоневицкого и Марины Бозин, Елены Добровольской».

Тогда в веселой суете фестиваля прошлого года я успел побеседовать только с тремя его участниками. Михаил Звягин сказал, что ему доставляет большую радость участвовать в выставке рядом с молодыми талантами, а они во многом заряжаются потрясающей энергией от уже очень немолодого специалиста и коллекционера.

Восемь лет вместе с Евгением Тоневицким работает как соавтор Марина Бозин. На вопрос о том, что нового появилось в их совместном творчестве, Марина ответила: «Мы сохранили в наших работах созданные Женей прежде пластические приемы, но расширили тематику — кроме романтических, в нашей графике и в работах маслом появились и социальные мотивы».

Очень узнаваемы и очень притягательны работы Александра Шабатинаса. «О себе говорить трудно, — сказал Александр. — Иногда смотрю на свои прежние работы и вижу, что можно было бы сделать лучше, выразительнее. Да и время быстро летит, меняешься сам, меняется все вокруг, а значит и требования, в частности, к замыслу, к цветовой гармонии возрастают, только поспевай!»

Американский поэт Джейкоб Миллер подарил гостям фестиваля 100 экземпляров сборника своих стихов.

Фестивальный день закончился концертом из камерных произведений Рахманинова в исполнении пианисток Наталии Медведовской, музыкального директора Пушкинского общества, и Ирины Нузовой, а также виолончелиста Адриана Даурова и меццо-сопрано Галины Иванниковой.

Июнь 2019

Наталия Пиллер: О первом фестивале в японском зале

Все виды искусства неразрывно связаны между собой, у них единая природа, основывающаяся на одних и тех же образах. Они имеют общие законы и правила, целью которых

является гармоничная передача ощущений и образов, заставляющих задумываться об одних и тех же вещах, испытывать одни и те же боль или восторг.

Цель каждого истинного дарования — затрагивать наши мысли и чувства, стремиться их облагородить. К этому призывали мастера живописи и слова, творцы великой музыки, к этому побуждала их неутолимая жажда самовыражения. Именно эту идею — триалого искусств в живописи, музыке и литературе — воплотили организаторы вечера, посвящённого А. С. Пушкину, который прошёл под общим названием «Метаморфозы снов: из прошлого в будущее».

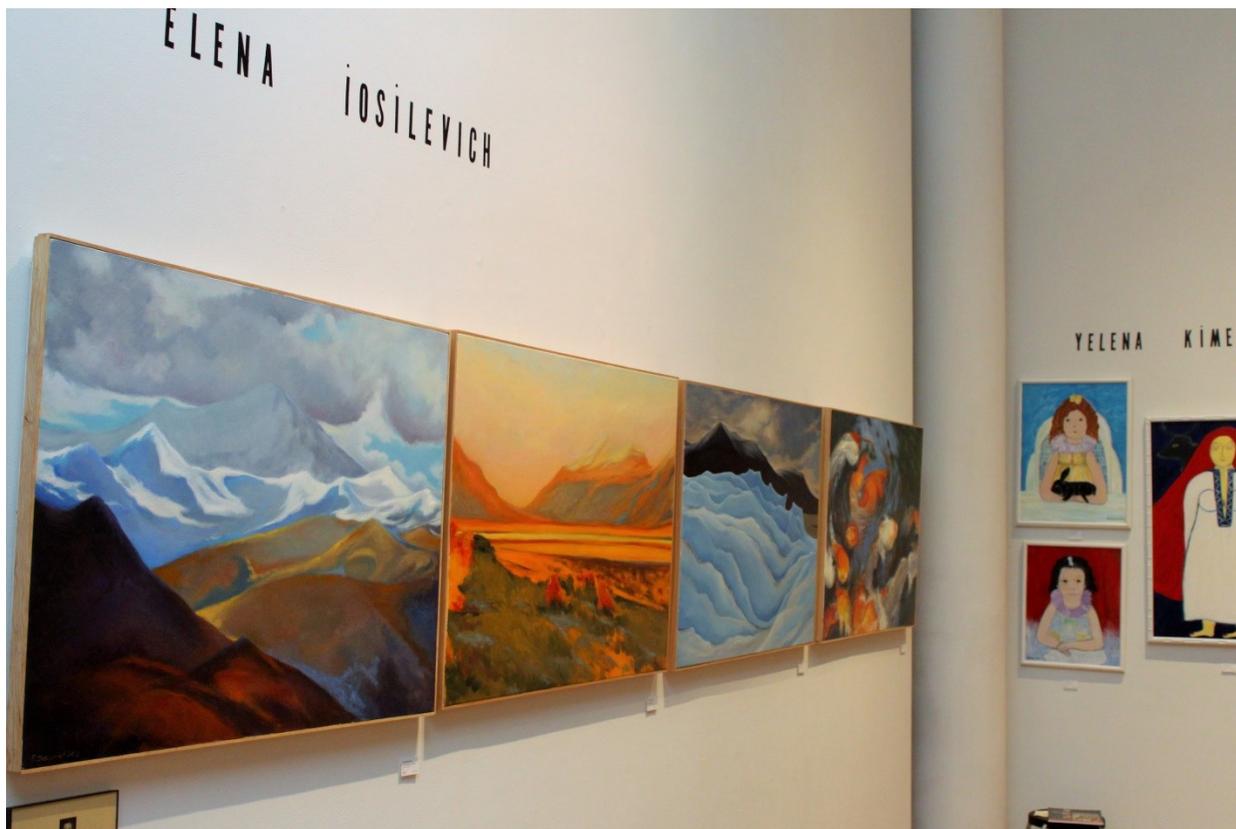
К слову, на нём были объявлены результаты международного поэтического конкурса «45-й калибр»: премию Пушкинского общества Америки за сохранение классических традиций в русской поэзии получили жители России Александр Оберемок (Белгород) и Любовь Колесник (Тверь). Грамоты и денежные призы этим авторам были отправлены по почте, а произведения стали печатать в «Вестнике Пушкинского общества Америки».

Представляю вашему вниманию небольшой репортаж о выставке, которая в 2017 году заложила основу для фестиваля. Все началось с того, что по рекомендации старого друга, художника и педагога Григория Гуревича, к нам присоединилась Елена Иосилевич и образовала гильдию художников Пушкинского общества Америки. В мае прошла стильная выставка, участниками которой стали: Александр Гарбер (AlexAg), Александр Шабатинас, Елена Иосилевич (куратор и арт-директор), Елена Кимельблат, Евгений Тоневицкий, Нина Косман, Сергей Голошапов. Их работы создали неповторимую атмосферу, наполнив пространство музейным изяществом. Каждый художник стремился донести свой взгляд на мир.

Александр Аг, в прошлом москвич, уже двадцать лет живёт и работает в Нью-Йорке. Как дизайнер и специалист по панорамным и концептуальным фотографиям занимается тем, что исследует природу самой фотографии, пытается объяснить то, каким образом функционируют современные снимки, как они взаимодействуют со зрителем. Алекс уверенно чувствует себя в пространстве межкультурных и междисциплинарных областей познания, где работает на стыке с современными философией, социологией, экологией и наукой. Мастер твёрдо верит, что мы являемся очевидцами рассвета эпохи принципиально новой фотографии и искусства в целом. Все представленные им работы объединены цветовым решением пейзажных изображений, пронзительных и поэтических образов реальности, в которую художник внёс ноту «сотворения мира», вписав в содержание даже рамы.

Александр Шабатинас родился в Каунасе (Литва). С 1999 года проживает в США. Он входит во многие творческие и профессиональные объединения: AudubonArtist, Inc (Нью-Йорк), «Общество искусства воображения» (Лондон, Англия), «Вильямсбургский художественный и исторический центр» (Нью-Йорк). В руках частных коллекционеров из более чем 20 стран находятся его картины, он хорошо известен на международном уровне. В сюжетах своих произведений художник стремится соединить сюрреализм с действительностью, не даёт никакого специального названия картинам, а только присваивает им последовательные номера. Таким образом, А. Шабатинас предоставляет зрителям свободу толкования, ибо название — ключ к замыслу.

Живописные пейзажи Елены Иосилевич, выполненные маслом, продолжают великие классические традиции. Увидеть красоту в обычном — задача на первый взгляд простая, но, как выясняется, не всем под силу. Талантливо же изобразить море, горы и равнины на полотне, транслируя философский подтекст, могут единицы. Масляная живопись считается одним из сложнейших видов искусства. Но именно этой техникой Елена Иосилевич сообщает нечто зашифрованное в своих посланиях, ступая вслед за великим Николаем Рерихом, чье имя также имело отношение к экспозиции. Но об этом чуть позже.

Елена Иосилевич родилась в 1975 году в Калининграде (Россия). Проживала в Таллине (Эстония), там же в университете изучала дизайнерское мастерство и закончила Калининградский государственно-промышленный институт. В 1996 году эмигрировала в Нью-Йорк и поступила в Национальную академию и Школу изобразительного искусства /The National Academy and School of Fine Art. Елена создала собственную художественную студию для детей /Clarus Art Studio, в которой дает уроки живописи, и является членом Ассоциации художников Саутгемптона и Бруклинского совета искусств /Southampton Artist Association and Brooklyn Arts Council; входит в Национальную женскую ассоциацию художников Америки /National Association of Women Artist in America.

В 2016 году Е. Иосилевич возглавила коллектив художников в Пушкинском обществе Америки, став арт-директором и куратором многих проектов. Благодаря усилиям музыкантов и литераторов ежегодный фестиваль приобрел значимую культурную ценность в жизни Общества.

Елена Кимельблат — в прошлом киевлянка, впервые взялась за кисть в том возрасте, когда большинство людей уже не ждут никаких подарков судьбы. В этом она вполне способна повторить подвиг Бабушки Мозес (самой известной художницы США Анны Мари Мозес, начавшей карьеру в 76 лет), с той лишь разницей, что Елена Кимельблат по сравнению со «взрослой» мадам вполне ещё «юная» леди. В 2008 году она ощутила потребность рисовать, стала брать уроки у американского абстракциониста Михаила Туровского, члена Академии искусств Украины, проживающего в США.

На выставке «Метаморфозы снов: из прошлого в будущее» художница представила серию женских образов, преломлённых через два возраста — девичество и зрелость. Беззаботная игра, переданная через фигуру девочки с кроликом, определяет «отправную точку» взросления и вызывает умиление у зрителя. Стилизованный образ молодых женщин, находящихся в гармонии с собой и окружающим миром, резко контрастирует с центральным персонажем в красно-кричащих тонах. Здесь передано ощущение самой оголённости, пульсирующего состояния на фоне яркого орнамента бытовой жизни. В таком противопоставлении покоя и страсти можно найти символический смысл, показывающий две стихии женской жизни — счастье и стремление к нему.

Сюрреалист Евгений Тоневицкий, создающий работы в соавторстве с Мариной Бозин, продемонстрировал пять графических работ. Евгений родом из Сибири, образование получил в Ростове-на-Дону, по специальности дизайнер. С 1991 года участник многочисленных выставок и шоу. В настоящий момент занят в индустрии моды и работает в знаменитой нью-йоркской компании KayAnger в качестве арт-дизайнера вечерней женской одежды.

Главным символом для Евгения Тоневицкого является образ женщины, его внимание приковано к тайнам человеческой личности, к её тёмным и таинственным сторонам, ко-

торые так часто гармонично уживаются со светлым началом. Через своё мироощущение художник обращается к подсознанию зрителя, заставляя его рассматривать полотна в их абсурдистской трактовке, размышлять над увиденным снова и снова.

Мир русалки глазами дуэта Евгения Тоневицкого и Марины Бозин предстал замысловатым, многомерным и полным опасностей. В то же время «женственность» не способна утонуть и погибнуть, будь она запечатлена в пучине моря или в кухонной обстановке с шахматной доской. Здесь каждый шаг может привести к проигрышу. Ваш ход, господин зритель, сыграем партию?

Нина Косман родилась в Москве, в эмиграцию попала вместе с родителями в 1972 году. На своей новой родине, в Америке, она состоялась как художник и скульптор, писатель, поэт и переводчик. В одинаковой мере владеет русским и английским языками, и это во многом определяет её внутренний мир. Нина Косман выставляла свои работы в Москве, Филадельфии и Нью-Йорке, являлась обладателем премии ЮНЕСКО и художественной ассоциации National Endowment for the Arts, получила грант от фонда греческой культуры /Onassis Public Benefit Foundation. Работы Нины «литературны», они сотканы из мифов, сказок, вечных религиозных тем, пропитаны особой чувственностью и экспрессией. Сама структура её образов сложилась в значительной мере под влиянием романтических идей. Стремление к добру должно пройти через очистительное пламя. Именно цветовая гамма огненной лавы присутствует почти на всех её картинах, показанных в экспозиции. Многие миниатюры Н. Косман имеют продолжение, к ним автор часто подбирает стихи и тексты. Литературу и живопись она не мыслит порознь, так как самым важным для неё являются не слова и не краски, а то, что стоит за ними — взгляд творца.

Сергей Голошапов прежде всего известен как иллюстратор, которого большинство из бывших жителей СССР помнят по замечательной книге сказок братьев Гримм. За годы творческого труда им создано огромное количество полиграфической продукции, офорты, гравюры, картины, выполненные в разных техниках. В 1991 году он перебрался в США и продолжил свою профессиональную деятельность в издательстве для детей North-South Publishing. Одним из его достижений является выпуск серии линогравюр к рассказам Оноре де Бальзака. Сергей Голошапов — участник театрального проекта «Человек-паук», работает в театре Foxwoods на 42-й улице в Нью-Йорке.

В Пушкинском обществе Сергей Голошапов показал два объёмных полотна символического абстракционизма, заинтриговав публику загадочностью их содержания. Цвет и форма в работах автора отчётливо передают настроение, затрагивают струны души любого зрителя. Но почему? Остаётся непостижимым. На одном холсте схематично прорисовано животное с пушистым хвостом, попавшее в круговерть. На втором — едва различимы силуэты мужчины и женщины. Струя дыма закрывает им рты. Живому нечем дышать в пространстве заводов, гари, многоэтажных домов; оно растворяется под натиском всепоглощающей техногенности.

В выставочных залах японского культурного центра Tenri Cultural Institute, где проходил первый фестиваль, были представлены также экспонаты легендарного нью-йорского издателя и коллекционера Александра Васильевича Яременко (1886–1984), наследники ко-

того передали документы, рисунки, вырезки, гравюры и картины в руки Виктории Курченко как добросовестного историка и общественного деятеля.

Александр Яременко в 1920 году купил в Нью-Йорке старый книжный склад и стал продавать книги, издавать календари, плакаты, в том числе и первые рекламные. Особое внимание, в силу коммерческой составляющей, он уделял открыткам, которые в 1950–1970-е годы пользовались большим спросом. Благодаря его стараниям мы располагаем коллекцией исторических открыток, а также макетов для их производства.

Среди выставленных находок были: историческая открытка № 189 — «Портрет императора Николая II в форме Верховного главнокомандующего перед Преображенским полком», № 271 — картина К. Е. Маковского «Под венец»; № 276 — «Рождество в Богоявленской церкви, Москва, ул. Елоховская, 15», где был крещён А. С. Пушкин. Из макетов: портрет Дж. Вашингтона, изданный в 1880 году, который затерялся в том самом книжном складе XIX века, приобретённом А. Яременко. Очень интересны виды Бродвея XVIII века и запечатлённое событие — Континентальный конгресс 1774 года в Филадельфии. Примечательно, что этого изображения нет в интернете. Литография 1941 года известного художника викторианской эпохи Генри Пинго/Henri Pingot, выпущенная ограниченным тиражом, является номерной. Все эти источники служили в мастерской для полиграфических целей.

А. В. Яременко был связан с Н. К. Рерихом и изготовил в 1931-ем году его альбом по случаю 40-летия творческой деятельности. В рабочей папке издателя обнаружены принты черновиков некоторых картин художника. Как нельзя лучше все эти архивные вкрапления вписались в «Метаморфозы снов: из прошлого в будущее». Полное соответствие тематике. Добавим, что Рерих являлся автором идеи «Мир через культуру», чтит Пушкина и че-

рез своего сподвижника Г. Д. Гребенщикова был связан с истоками Пушкинского общества Америки.

В литературных чтениях принял участие Якоб Миллер, американский поэт и бывший студент Иосифа Бродского. Вспоминая своего учителя, он читал его стихи, написанные по-английски, а также представил свои собственные сочинения.

Итак, новое художественное объединение громко заявило о себе, так, как это было когда-то, еще в 1930-е годы. В этом большая заслуга Елены Иосилевич и всей команды профессионалов, работающих вместе. С Викторией Курченко, президентом организации, много лет находятся рядом высоко компетентные сотрудники: Наталия Мизури, Борис Борукаев, Дмитрий Гаранин, Татьяна Шереметева, Инна Грубмайр, наш полномочный представитель в Европе, Наталия Медведовская и многие другие, кто ежедневно вкладывает свои силы в дело сохранения традиций в истории русских американцев.

Декабрь 2017

Нина Румянцева: Разговор с драматургом Джонатаном Лифом

Ко дню рождения А. С. Пушкина в этом году нам удалось значительно «продвинуть» театральный компонент фестиваля искусств и привлечь к нему широкую аудиторию англоязычных зрителей. Добавляя в литературные выступления актерское мастерство, мы на сцене книжного кафе Стейтен Айленда стали разыгрывать по ролям героев «Евгения Онегина», распевать песни Роберта Бернса, превращая привычные встречи в театральное действие. Несколько лет назад, выступая в американском Союзе писателей, мы рассказывали коллегам о своей истории и о значимости фигуры А. С. Пушкина для русской культуры, касались биографии и родословной поэта. Тогда на памятном собрании были не только писатели, но и режиссеры, сценаристы. Для современной эпохи многим показалась интересной возможность заострить внимание на расовом переплетении пушкинских корней. И, конечно, касались нашумевшей в кругу интеллектуалов книги, вышедшей на английском языке, — *Under the Sky of My Africa. Alexander Pushkin and Blackness. Edited by Catharine Theimer Nepomnyashchy, Nicole Svobodny, and Ludmilla A. Trigos, Northwestern University Press, 2006* (Под небом моей Африки: Пушкин в афро-американском контексте).

Писатели-американцы спрашивали, чтут ли в русскоязычной общине заслугу поэта в демократизации России во времена правления Николая Первого? В бурной дискуссии выяснилось, что тема эта явно недостаточно освещена. И вот 25 июля в манхэттенском театре The Black Box Theatre /Sheen Center в Нью-Йорке прошла премьера спектакля «Пушкин» по пьесе Джонатана Лифа (режиссер Кристофер МакЭлрен). Текст произведения и безупречная игра актеров погружали зрителя в последние годы жизни поэта и заставили еще раз задуматься о трагедии его гибели. Роль Александра Сергеевича исполнил Ян Лассистер (Ian Lassister), Николая I — Жене Гиллетт (Gene Gillette). Актеры мастерски развернули главную интригу драматического действия. После премьеры в фойе культурного центра состоялось чествование Джонатана Лифа. От имени Общества ему была вручена в подарок гравюра с портретом Пушкина. Ян Лассистер, по общему признанию необычайно

схожий внешностью со своим персонажем, получил высокие оценки публики. А фотографии с «живым» Пушкиным стали изюминкой после премьерного показа.

А теперь попробую передать все «пережитое» — подробности посещения спектакля — и познакомлю вас с тем, о чем мы поговорили с Джонатоном Лифом несколько позже. Не скрою, было лестно получить приглашение на премьеру. Да и любопытно: американцы о Пушкине? К тому же, меня переполняла гордость: феномен *нашего* Пушкина вызывает интерес во всём мире!

Действие пьесы захватывает сразу, и вот мы уже не в Нью-Йорке 2018 года, а в России XIX века, среди людей, которые любили, ревновали, плели интриги... Я всей душой переживала за молодого поэта, которого обожали женщины и который уж очень раздражал их мужей. Российских мужей при власти. Богатые костюмы той эпохи, прекрасная музыка русских композиторов, искренняя игра актёров — всё это создавало атмосферу реальности происходящего.

Да-да, я знаю биографию Пушкина. Но почему же тогда я втайне надеялась на другой конец этой истории? Не потому ли, что это был новый взгляд на то, что казалось мне давно известным и выверенным до мелочей? Способность анализировать пришла позже. К концу спектакля я не могла сдержать слёзы. Это была и эмоциональная реакция на то, что я стала как бы свидетелем личной драмы выдающегося человека, и досада на то, что Зло снова победило Добро...

После спектакля мы сердечно благодарили его создателей. Они действительно проделали огромную работу — от написания сценария до постановки и игры актёров.

Автор пьесы, драматург Джонатан Лиф согласился встретиться и ответить на мои вопросы позднее — у него ещё не улеглось волнение после премьеры спектакля.

Через пару дней Джонатан уже ждал меня в уютном кафе на Юнион Сквер. Ему и самому было интересно, как восприняли его спектакль соотечественники Пушкина! Вот такой у нас вышел разговор.

Н. Р. Когда Вы почувствовали, что должны написать о Пушкине?

Дж. Л. В 1990-х я прочитал биографию Пушкина, историю его жизни. Это показалось мне настолько поразительным, что я почувствовал: пора создать об этом пьесу!

Н. Р. Что поразило Вас больше: произведения Пушкина или его биография?

Дж. Л. Он был великим поэтом. За это его ценит весь мир. Но как драматург, я был потрясён тем, как сложилась его личная жизнь.

Н. Р. Вам вообще в целом нравится русская литература или «зацепил» только Пушкин?

Дж. Л. Я очень люблю русскую литературу. С моей точки зрения, лучший автор романов — это Лев Толстой. Люблю Тургенева. И очень-очень — Чехова. Вообще в русской литературе много славных имён, но вот эти писатели и, конечно, Пушкин — мои любимые.

Н. Р. Как долго писался сценарий?

Дж. Л. Вы не поверите, с 1999 года. Текст, в основном, был готов к 2004-му.

Н. Р. Работа шла легко или Вы что-то меняли, переписывали?

Дж. Л. У меня были сотни вариантов. Есть старая поговорка про литературные тексты: «Он не окончен, он *пока* оставлен, как есть». Пьеса про Пушкина у меня *пока* оставлена, как есть.

Н. Р. Какие материалы про Россию тех лет Вы использовали? Откуда они были взяты?

Дж. Л. Я перечитал много биографических изданий о Пушкине, читал исторические материалы, в частности работы Ричарда Пайпа (Richard Pipe) и Саймона Себаг-Монтефиоре (Simon Sebag-Montefiore).

Н. Р. А в России Вам приходилось бывать?

Дж. Л. Можно сказать, что да. Я был там, ещё Советском Союзе: в Москве, Ленинграде и Новгороде.

Н. Р. У Вас есть русские крони?

Дж. Л. Какие-то предки со стороны матери — из Украины. Это считается?

Н. Р. Вы довольны игрой актёров? Им удалось передать дух и содержание пьесы?

Дж. Л. Абсолютно! Сыграли великолепно!

Н. Р. Над чем Вы сейчас работаете, не секрет? Что планируете написать?

Дж. Л. У меня в работе несколько проектов, в том числе книга о том, почему возник Золотой век человеческой цивилизации. Это публицистика.

Н. Р. Я вижу, Вас привлекают особые периоды в истории человечества и выдающиеся люди!

Дж. Л. Именно так!

Н. Р. Желаю всего самого доброго и благодарю Вас за работу от всей многотысячной русско-американской общины США.

Наверняка некоторые зрители, видевшие спектакль «Пушкин», могли найти, к чему придраться. Думаю, что это касается лишь мельчайших деталей российской действительности того времени. Например, россияне носят обручальное кольцо не на левой, а на правой руке; некоторые мелодии скрипичной музыки в пьесе были явно еврейскими, хотя Пушкину вообще-то нравились цыганские мотивы, но это абсолютно другая музыкальная культура. В реальной жизни Наталья Пушкина была намного выше своего мужа и, тем не менее, у нее была высокая прическа, согласно моде того времени: это усиливало визуальную диспропорцию пары, но Дженни Леона, игравшая Наталью, зрителям не казалась выше Иана Ласситера (Пушкина); «кокошники» были действительно историческими русскими женскими головными уборами, но они были характерны только для простых людей, а не для аристократок; по словам историков, Пушкин никогда не становился на колени, он был слишком горд для этого...

Но это ведь пьеса, произведение для сцены. Автор имеет право на собственное видение и персонажей, и событий, которые он описывает. К тому же, эти шероховатости могли заметить только носители языка либо прирождённые критиканы. Все детали абсолютно несущественны для восприятия главной идеи пьесы — трагедии Гения, за редкими исключениями непонятого современниками.

Мне же наоборот, хочется подчеркнуть явные находки. Например, завершение спектакля: падение ... покрывала? крышка гроба? небес? Финал? Очень эмоционально спроецированное ощущение Трагедии, когда рушится всё. И конечно, я не перестаю восхищаться актёрами, которые никогда не были в России, но смогли казаться настоящими русскими. А ещё я благодарна создателям спектакля за то, что он заставил меня снова задуматься над феноменом Пушкина.

Получилось так, что «Пушкин» оказался в афише культурной и общественной жизни Нью-Йорка как нельзя вовремя. Во-первых, в следующем году мы будем отмечать 220-ю годовщину со дня рождения Поэта, и Пушкинское общество Америки планирует больше мероприятий, чем обычно. Мы будем рассказывать людям во всем мире о Гении. И это просто здорово, что спектакль «Пушкин» появился как раз накануне Пушкинского года!

Во-вторых, проблема межкультурного обмена в многонациональном городе Нью-Йорке всегда актуальна, и тот факт, что американский писатель с некоторыми украинскими корнями написал пьесу о русском поэте африканского происхождения, — это знак того, что этнические связи жителей города Большого яблока, как говорится, имеют место быть.

И последнее, но не менее важное: спектакль напоминает нам о расовой проблеме, существовавшей в России два столетия назад. Российские исторические и литературоведческие источники всегда лишь вскользь касались происхождения Пушкина: они лишь упоминали его африканского предка, но не подчеркивали этого факта. Тем не менее, я не исключаю, что внешность Поэта, абсолютно отличающаяся от внешности окружающих его людей, также могла быть одной из причин, приведших к трагедии.

Август 2018

Борис Борукаев: ПушкинФест 2019

220-летие со дня рождения «нашего всего» мы отмечали весь год. В январе и феврале проходили лекции, а в мае с большим успехом состоялось открытие Третьего ежегодного фестиваля искусств, посвященного юбилею А. С. Пушкина.

Соцветие талантов все время разрастается, и в этом году первыми ознаменовали начало торжеств музыканты. 17 мая в Пушкинском Холле они провели первый фестивальный концерт. Посетителей ожидало чудо: исполнение на старинных струнных инструментах представили Александр Риз (альт работы Джованни Гаспара Виолсета 1650 года, Кремона, Италия) и Алла Щербакова (скрипка, созданная Феликсом Мори Костой в 1801 году, Парма, Италия). Затем, как всегда, в Институте Тэнри прошел торжественный прием и арт-экспозиция гильдии художников Пушкинского общества и мастеров Artios Gallery «В поисках иллюзии: изменение ретроспективы». Вернисаж представляли: Александр Риз, Рудик Петросян, Надя Клионская, Михаил Звягин, Дэнни Гласс, Серри Вольфганг, Хуршид Нази-

ров, Стелла и Бенджамин Шалумовы, Елена Зеленина, Ольга Маламуд-Павлович, Елена Иосилевич, Елена Добровольская, Наталья Корен-Кропф и Дареджан Адамашвили.

В июне у нас в гостях побывала Вера Павлова со своей дочерью Наташей, состоящей в родстве с потомками по линии брата А. С. Пушкина — Льва Сергеевича. Вместе с пианистом Львом Левшиным они специально привезли для нас программу «Моцарт и Сальери», которую сами же и отобрали на сцене: две женщины дебютировали в Нью-Йорке в амплуа героев-мужчин. Во время спектакля прозвучали редко исполняемые произведения: совместное сочинение Моцарта и Сальери, ария Сальери. Эти произведения давно канули в лету. Вера Павлова, по образованию музыковед, когда-то отыскала в пыльных архивах эти музыкальные сочинения, и вот они заиграли новыми красками в совместном творческом проекте с Пушкинским обществом Америки. Прозвучали и традиционные романсы «Я помню чудное мгновение» Глинки и «Ночь» Рубинштейна, а также композиции на музыку Дворжака, Брамса, Глинки, Чайковского, Шуберта, Мусоргского.

Вера Павлова — поэт, музыкант, композитор. Лауреат Премии имени Аполлона Григорьева за 2000-й год. Автор двадцати книг стихов. Стихотворения Веры Павловой переведены на 24 иностранных языка. Она участвовала в международных поэтических фестивалях в Англии, Германии, Италии, Франции, Бельгии, Украине, Азербайджане, Узбекистане, Голландии, США, Греции, Швейцарии. Автор либретто опер «Эйнштейн и Маргарита», «Планиета Пи» (композитор Ираида Юсупова), «Дидона и Эней, пролог» (композитор Майкл Найман) и других. В настоящее время живет в Канаде.

Наталья Павлова — оперная певица и актриса, солистка Московской филармонии и Государственного академического симфонического оркестра России имени Е. Ф. Светланова. Окончила Московскую консерваторию и аспирантуру. Стажировалась в Италии, выступала со многими итальянскими оркестрами и выступала под руководством Владимира Юровского, а также с Джованни Соллима, Марчелло Липпи и другими, на престижных сценах в Италии (таких, как Римский аудиториум), в Вене, Берне, Женеве. Ведет активную концертную деятельность. Работала в Школе драматического искусства Анатолия Васильева. В настоящее время живет в Риме. Замужем за писателем, журналистом и художником Давидом Колантони, отец которого (Доменико Колантони) — один из известных в Италии художников нашего времени.

После совместного выступления под названием «Посвящение Пушкину» Вера Павлова прочла свои стихи и ко всеобщему удовольствию запускала их в виде бумажных самолетиков в зрительный зал. «Летите голуби, летите», славьте поэзию, музыку и культуру.

Продолжением ПушкинФеста стал концерт 28 июня. На нем с официальным обращением выступил Ари Каган, который в качестве почетного гостя передал приветствие Пушкинскому обществу Америки от имени главного ревизора города Скотта Стрингера. Для нас много значили слова поддержки от официальных властей о том, что на протяжении многих десятилетий мы вносим значительный вклад в культурное разнообразие города.

В концерте классической музыки приняли участие: Хэшин Шин, президент американо-корейского общества имени Метнера, Елена Миндлина, певица и ведущая праздничного вечера, Наталия Медведовская, музыкальный директор Пушкинского общества, пианист-

ка и композитор. Оригинальная программа включала историческую часть, этнографическую и современную интерпретацию классики. На стихотворение А. С. Пушкина «Мадонна» Наталия Медведовская написала музыку, артистки исполнили произведение, которое по силе и красоте не уступает волшебным звукам известных романсов.

Виктория Курченко вручила почетные дипломы всем участникам за подготовку и проведение фестиваля, а также художнику Евгению Тоневицкому за серию графических работ сюрреалистической пушкинианы.

Июнь 2019

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

23 января: *Just to land in Tokyo* в Tenri Culural Institute

Совместно с Музеем русского искусства (MORA) в помещении Tenri Culural Institute в Нью-Йорке состоялось многоплановое шоу *Just to land in Tokyo* Кузьмы Вострикова, писателя и фотохудожника.

Первая часть включала презентацию одноименного мистического романа. Вторая — выставку цифровых фотографий, явившихся иллюстрациями представленной книги. Визуальные интерпретации были созданы с помощью абстрактных образов: более 20-ти самостоятельных работ подводили зрителя к идее проникновения за грань бытия, отсылали к переплетениям новых технологий и самобытной восточной культуры, разоблачению ее шаблонного восприятия исключительно через медитативные практики.

В заключение, на радость публике, на сцену был приглашен джазовый коллектив, который своей концертной программой превзошел все ожидания.

(Смотрите «Калейдоскоп» с фотографиями [на сайте Пушкинского общества](#))

27 января: Book Cafe на Стейтен Айленде

В одном из районов города Нью-Йорка — на Стейтен Айленде — открылась новая площадка для выступлений на русском и английском языках. Книжное кафе богемного типа, в котором одновременно функционируют выставочный зал, магазин, библиотека, профессиональная сцена и кондитерская, пришлось по нраву гостям вечера.

Заявленный День Татьяны и Евгения был посвящен 185-летию выхода первой публикации произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В рамки мероприятия гармонично вписалась выставка картин пушкинианы Евгения Тоневицкого.

Эксклюзивный концерт с романсами под гитару, поэтическими чтениями на двух языках и яркими музыкальными исполнениями в стиле кантри, а также разговоры о литературе нашли отклик у слушателей.

3 февраля: «Литературный маскарад»

В библиотеке Бруклина психолог Елена Бродова представила свой «Литературный маскарад». Во время выступления она познакомила слушателей с основами психологической грамотности и провела с ними тренинг по практическим навыкам быденной жизни. После перерыва в литературно-музыкальной гостиной состоялась презентация книги Елены «Сказки из розового горшочка».

Фрагменты текстов были театрализованно разыграны артистами «из публики». Автор также прочла свои стихи, на слова которых Полина Печерская сочинила музыку и исполнила произведения, ставшие кульминацией этого разнопланового вечера.

22 марта: Презентация книги «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы» в Хорватии

В Национальном архиве Хорватии в Загребе прошла презентация книги Татьяны Пушкадиев-Рыбкиной и Инны Грубмайр «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы».

Первый тираж в количестве 100 экземпляров был издан при содействии посольства Российской Федерации в Республике Хорватии и финансовой поддержке Сбербанка города Загреба. Церемонию открыла председатель Информационно-правового и культурно-образовательного центра российских соотечественников в Республике Хорватия им. Петра Глебова Елена Пиличева-Чорко, представившая авторов, а также почетных гостей: посла Российской Федерации в Республике Хорватии А. С. Азимова, представителя Россотрудничества в Республике Хорватии Н. Ю. Якимчук, секретаря Общекадетского объединения русских кадетских корпусов за рубежом в Белграде С. Ю. Илич и др. В переполненном зале находились потомки первой волны эмиграции, о чьих семьях рассказывается в книге, а также люди, интересующиеся этой темой.

После выступления посла РФ А. С. Азимова Инна Грубмайр представила книгу, рассказала об их общей с Т. Пушкадией-Рыбкиной работе, поблагодарила всех помогавших в создании над этим и предыдущими изданиями.

После этого участник группы по сохранению исторического наследия «Руснаслед» Олег Перчинич представил онлайн-ресурс «Русский некрополь Загреба», объемом которого составляет 460 фотографий русских захоронений на 6 загребских кладбищах.
<https://www.russiancroatia.com/nekropol-zagreba>

На следующий день Инна Грубмайр провела экскурсию по историческому кладбищу Миргой, рассказав о судьбах некоторых русских эмигрантов первой волны.

29 марта: Выступление Анны Немеровской

В Центральной библиотеке Манхэттена прошел творческий вечер писательницы Анны Немеровской, на котором состоялась презентация второго издания ее романа «И даровал Всевышний человеку свободу воли». В программе была также представлена небольшая выставка фотографий автора.

После перерыва состоялась дискуссия и обсуждение заявленной темы — свобода воли и фатальность судьбы.

Со своими комментариями к произведению выступили Елена Грачева, Владимир Нузов и Аркадий Пьянин.

31 марта: Наталья Асенкова и Марк Белицкий в Book Cafe

В гостеприимном Book Cafe на Стейтен Айленде с большим успехом прошли выступления писательницы Натальи Асенковой и барда Марка Белицкого.

Наталья Асенкова рассказала о своем творчестве, затронув сюжетные линии произведений, в которых уделено большое внимание проблеме развития личности. Автор подробно остановилась на фабуле повести «На фоне Кормильца», которая касается облика А. С. Пушкина, а также на своей работе в Архиве литературы и искусства в Ленинграде. Реальные материалы и документы легли в основу романа «Художники». В заключение Наталья ответила на вопросы слушателей.

Марк Белицкий, поэт и бард, родился в Ленинграде, эмигрировал в США в 1975 году. Начал писать стихи и песни в зрелом возрасте. Вскоре, завоевав собственную аудиторию, стал частым гостем радио- и телеэфиров, выступлений в знаменитом «Русском самоваре». В своем концерте Марк исполнил как новые песни, так и хорошо известные в кругу его почитателей. Особый интерес вызвали истории, связанные с процессом «рождения» песни, воспоминания о дружбе с Евгением Рейном и встречах с Евгением Евтушенко.

13 апреля: «Борис Чичибабин и Евгений Евтушенко»

В клубе *Zinc* прошла литературно-музыкальная программа «Борис Чичибабин и Евгений Евтушенко — сплетение судеб». В исполнении Владимира Нузова прозвучали стихи, воспоминания, рассказы о встречах с поэтами. Музыкальное приложение подготовила Ольга Славнина, сыгравшая произведения Баха, Бетховена и Моцарта.

Харьковскую литературную тему продолжил журналист Виталий Орлов, зачитавший несколько цитат из неопубликованной рукописи Б. Чичибабина и показавший фотографии 1960-х годов из своего личного архива.

14 апреля: Концерт камерной музыки

В богемном районе Манхэттена в помещении кафе «Вивальди» прозвучал фортепианный концерт со скрипкой, организованный музыкальной гильдией Пушкинского общества Америки, которая формируется в течение этого года под руководством пианистки и композитора Наталии Медведовской. Программа посвящалась 340-летию со дня рождения Антонио Вивальди. Стены клуба были украшены серией работ *Love in Three Colors* и *Adam and Eve. Rebirth* художницы Елены Иосилевич.

19 апреля: Поэтическое выступление

Члены гильдии художников и музыкантов Пушкинского общества выступали в поэтической ипостаси. Елена Иосилевич, куратор проекта и арт-директор, представила две новые книги — Ефима Медведовского «В архиве памяти» о днях Ленинградской блокады времен Второй мировой войны и лирический сборник Михаила Звягина «Необходимая боль».

Свои стихи также прочли Гена Груз, Ефим Медведовский, Михаил Гуревич. Артур Литвак с большим мастерством продекламировал поэтические тексты Михаила Звягина.

Своим жанровым разнообразием вечер вызвал особый интерес слушателей.

22 апреля: Открытие представительства ПО в Квинсе

Юлия Храмцова торжественно открыла представительство Пушкинского общества Америки в самом большом районе Нью-Йорка — Квинсе.

Литературная часть была начата со стихов Пушкина и Бродского. Елена Голованова-Старенко развернула выставку своих книг-раскладушек и озвучила их емкое содержание. Александр Аг, фотохудожник и куратор проектов, рассказал о ближайших вернисажах Общества.

На вечер специально из Коннектикута приехали писательница Ольга Тимщук и художник Богдан Вроз.

Нина Румянцева, которая в США проживает всего восемь месяцев, предложила организовать лингвистический театр. Свои стихи прочли Далила Липовецкая, Полина Печерская, Борис Борукаев, Владимир Фадеев.

3 мая: Рахманинов, «Рапсодия многообразия»

в Институте культуры Тенри в Нью-Йорке прошел Второй ежегодный музыкально-художественный фестиваль «Бескомпромиссное творчество. Рапсодия многообразия», посвященный 145-летию со дня рождения Сергея Рахманинова.

В выставке приняли участие художники гильдии Пушкинского общества Америки: Алекс Аг, Александр Дудоров, Елена Добровольская, Марина Гершман, Елена Иосилевич, Елена Кимелблат, Семен Каплан, Наталья Корен-Кропфм, Нина Коссман, Елена Лежен, Наталья Макс, Юлия Мичри, Александр Риис, Алекс Шабатинас, Евгений Тоневицкий и Михаил Звягин.

В Рахманиновском концерте продемонстрировали свое профессиональное мастерство: Ирина Нузова и Наталья Медведовская — фортепиано, Адриан Дауров — виолончель, Галина Иванникова — меццо-сопрано.

На фестивале были представлены некоторые архивные документы Общества, в частности фотография композитора, снятая Эдвардом Стейхеном в 1936 году. После Второй мировой войны автор работы был директором отделения фотографии в Музее современного искусства Нью-Йорка до 1962 года. Сам С. В. Рахманинов был частым гостем Пушкинского общества Америки в 1930-е годы.

12 мая: Выступление Ури Литвака

в Бруклинской библиотеке Нью-Йорка отделения Шипсхед Бей выступил гость из Израиля Ури Литвак. Светлана Негримовская, директор офиса, познакомила присутствующих с биографией автора, рассказала о многолетнем сотрудничестве библиотеки с Пушкинским обществом и предоставила слово Анне Немеровской, руководителю клуба «Писатель у микрофона». Затем Ури Литвак провел свой творческий вечер. Область его интересов — литургическая литература и музыка. На суд зрителей он вынес свои стихи, опубликован-

ные в его книге, несколько экземпляров которой подарил архиву Общества и отделу книг на русском языке.

В конце выступления завязалась оживленная дискуссия. В ней принимали участие журналисты русскоязычной прессы Марина Логунова и Виталий Орлов, а также Юлия Храмцова, Семен Печерский, Наталья Асенкова и другие.

17 мая: Выставка гильдии художников ПО

В залах Центральной библиотеки Манхэттена состоялось открытие выставки гильдии художников Пушкинского общества. Свои работы представили: Наталья Макс, Елена Добровольская, Виктория Кондратюк, Ольга Меламуд-Павлович и Александр Дудоров.

Затем прошла лекция Елены Добровольской «Русские импрессионисты — Валентин Серов и Константин Коровин». Елена — художник и тургид с 15-летним стажем проведения экскурсий по музеям европейского искусства. В своем выступлении Елена обратила внимание на то, что импрессионизм российской школы имеет свою специфику и во многом не совпадает с хрестоматийными представлениями об импрессионизме классическом, зародившемся во Франции XIX века.

19 мая: «Достижения современной фотографии»

Прошла лекция фотохудожника и дизайнера Алекса Ага «Достижения современной фотографии».

Как специалист по панорамным и концептуальным фотографиям, Алекс занимается тем, что исследует природу самой фотографии, пытается объяснить то, каким образом рождаются современные снимки и как они взаимодействуют со зрителем, формируя особый эффект повествовательности изображения. Теория, использующая познавательный потенциал фотографии, стала направлением визуальной социологии, которая создает новые инструменты для исследования общества.

26 мая: Литературно-музыкальный вечер в Book Cafe

В Book Cafe на Стейтен Айленде прошел литературно-музыкальный вечер. Открыла программу писатель, художник и бывший советский диссидент Анна-Нина Коваленко. Автор рассказала на русском и английском языках о своих книгах и картинах, а также ответила на вопросы о творчестве.

Затем познакомила публику со своими литературными произведениями Анета Мейман, журналист, публицист и художник, разместившая также на сцене экспозицию своих работ.

В завершение прозвучали стихи нью-йоркской поэтессы, пародиста, автора мюзиклов Ирины Акс.

Музыкальное отделение представило трио *Reverie String Ensemble* — две скрипки и гитара: Наталия Всеволодовская, Анна Лернер и Иосиф Зильберман, исполнившие классические и современные произведения.

31 мая: Встреча Пушкинского общества в Квинсе

В представительстве Пушкинского общества в Квинсе Юлия Храмцова провела встречу-знакомство творческих людей и организовала выступления на русском языке. Откликом явилось чтение как собственных, так и классических произведений, исполнение песен под гитару и презентация небольших авторских работ.

В неформальной обстановке обсуждались дальнейшие планы Общества по формированию литературной гильдии, сотрудничеству с американскими организациями и праздничные мероприятия, посвященные дню рождения А. С. Пушкина.

6 июня: День рождения А. С. Пушкина

В торжественной обстановке нового клуба «Зеленая лампа» был отпразднован день рождения А. С. Пушкина. Рассказом об идее создания еще одного креативного проекта встречу открыл Аркадий Пьянин: планируются еженедельные заседания, на которых будут обсуждаться темы по истории русской литературы. Юрий Остерфельд, соорганизатор «Зеленой лампы», историк и пушкинист, прочел лекцию на тему «Солнце нашей поэзии», рассказал о музейном комплексе «Пушкинские горы».

Прозвучала запись классических романсов на стихи Пушкина в исполнении Сергея Лемешева. Некоторые из них вживую исполнила Полина Печерская. Во второй части вечера со своими произведениями выступили Юрий Бунчик, Аполлинария Делабруз и Семен Печерский.

8 июня: День Пушкина в культурном центре Н.Е.С.

Был отпразднован День Пушкина в культурном центре Н.Е.С. (Hebrew Educational Society). Церемонию открыла Ирина Сафонова, возглавляющая программу для русскоязычных взрослых. В исполнении Наталии Пиллер, секретаря нашего общества, прозвучали стихи А. С. Пушкина на английском, итальянском, испанском, французском и русском языках. Отрывок из знаменитой поэмы «Руслан и Людмила» в переводе Авраама Шленского прочла на иврите исполнительный директор Н.Е.С. Ариела Фельдман. От имени администрации она поприветствовала всех присутствующих и выразила надежду на дальнейшее сотрудничество.

Нина Румянцева, представитель русскоязычного Совета Манхэттена и Бронкса, новый член Общества, в своей краткой лекции на английском языке познакомила американцев с некоторыми вехами биографии поэта, ответила на вопрос, почему Александра Пушкина называют создателем русского языка.

Музыкальное отделение представлял легендарный артист и певец Сергей Побединский. Он также прочел стихи и исполнил романсы «Я помню чудное мгновенье», «Не пой, красавица, при мне», «В крови горит огонь желанья» и другие.

9 июня: Выступление Аркадия Пьянина

В библиотеке на Шипсхед Бей Анна Немеровская представила Аркадия Пьянина — автора эссе, стихов, рассказов и председателя клуба «Зеленая лампа». Выступающий познакомил собравшихся со своими сочинениями, рассказал о своих учителях и интересе к русской литературе. Затем он раскрыл тему дуэльной истории Пушкина, а также представил на обсуждение вопрос, почему поэт проиграл поединок Жоржу Дантесу. Вокруг известной истории разгорелась дискуссия.

20 июня: «Англоязычная литература в русских переводах»

В библиотеке Бруклина (отделение Шипсхед Бей) состоялась презентация нового проекта «Англоязычная литература в русских переводах», который задуман для того, чтобы помочь русскоговорящим иммигрантам приобщиться к культуре страны, ставшей для них новым домом. Стартовав в библиотеке Бронкса, проект при содействии Пушкинского общества Америки распространяется на другие районы Нью-Йорка, где компактно проживает русскоязычное население мегаполиса. Автор проекта — Нина Румянцева — подготовила и провела викторину о знаменитых деятелях Америки, победителем которой стала Ирина Петрук.

29 июня: «Венецианская мелодия»

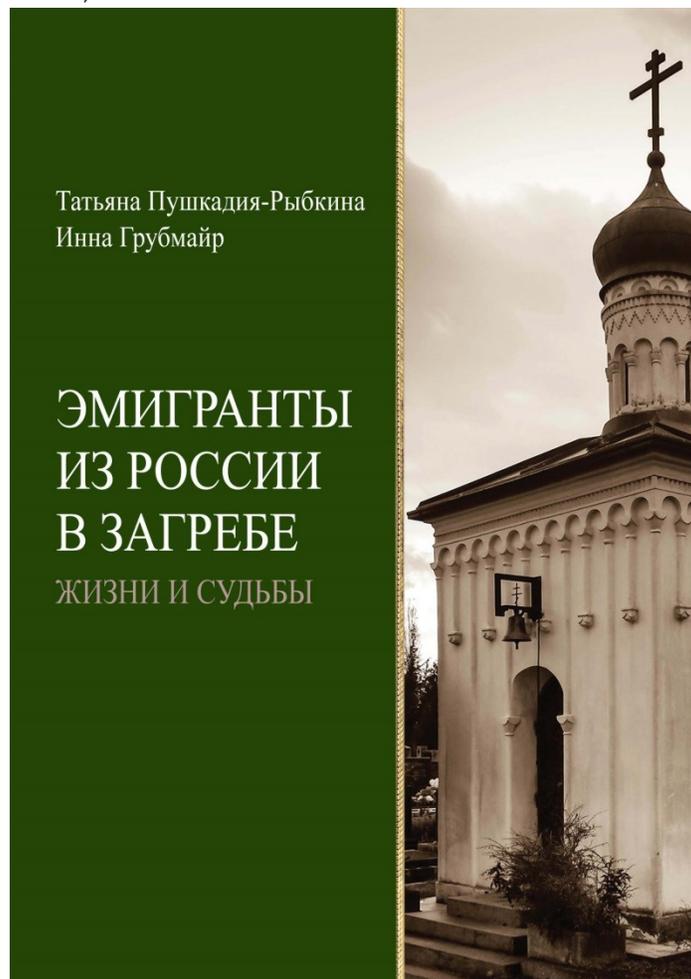
В джазовом клубе *Zinc* была проведена литературно-музыкальная программа «Венецианская мелодия», посвященная образу города на воде и таким знаменитым мастерам, как Антонио Вивальди, Карло Гольдони, Вечеллио Тициану. В концерте приняла участие специальная гостья Пушкинского общества из Чикаго, лауреат международных премий Джулия Майнерт, которая играла на старинной скрипке итальянского мастера XVIII века Jean Baptiste Vuillaume. Возможность использования этого уникального инструмента предоставила нам мастерская *Bein&Fushi* (<https://beinfushi.com/>).

В программе были представлены во всем разнообразии произведения композиторов Сарасате, Паганини, Тортини, Вивальди, Белини, Бедетти и Россини.

Путешествие в мир Венеции открыла певица Луана Сандовал, а завершила Галина Иванникова. Фортепианная часть концерта прозвучала в исполнении лауреата международных конкурсов Наталии Медведовской, организатора музыкальной части вечера.

«ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В ЗАГРЕБЕ. Жизни и судьбы»

В марте нынешнего года в Хорватии вышла в свет книга Татьяны Пушкадии-Рыбкиной и Инны Грубмайр «ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В ЗАГРЕБЕ. ЖИЗНИ И СУДЬБЫ» (404 с., с илл.).

Из аннотации: «Унесенные вихрем трагических событий начала XX в., тысячи россиян оказались на чужбине, где, более или менее оправившись от пережитого, постарались наладить привычный уклад жизни, сохраняя культурные ценности потерянной родины. Так образовалась Зарубежная Русь, или Россия в рассеянии, с несколькими главными центрами. Одним из них, хотя и не самым важным, стала столица Хорватии — г. Загреб. О том, какое научное и культурное наследие оставили здесь эмигранты из России первой, то есть послереволюционной, волны и их потомки, а также о том, как складывались их жизни, пойдет речь в этой основанной на богатейшем фактическом и архивном материале работе».

Книга является вторым русскоязычным изданием вышедшей в 2007 монографии Т. Пушкадии-Рыбкиной «Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба», которой в 2006 г. предшествовало издание на хорватском языке.

Из предисловия М. Сорокиной, кандидата исторических наук, заведующей отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына: «Эта книга — плод многих десятилетий подвижнического труда удивительного человека, архивиста и потомка русских беженцев времен Гражданской войны. Архивные документы и фотографии, журнальные и газетные публикации, научные статьи и монографии, устные свидетельства родных и современников, наконец, собственная семейная память — все эти источники позволили Т. В. Пушкадии-Рыбкиной построить воистину исторический памятник — сложить и Стену плача, и Стену славы, гимн и реквием по русской балканской эмиграции одновременно.

Как профессиональный историк могу засвидетельствовать, что русской диаспоре в Хорватии повезло — в лице Т. В. Пушкадии-Рыбкиной она обрела своего неумолимого летописца. А если учесть, что нынешнее издание подготовлено в соавторстве с кандидатом филологических наук И. И. Грубмайр, которая, собственно, и выступила инициатором и исполнителем новой редакции, то дело Татьяны Витальевны имеет и надежного последователя. Иной Ивановной значительно дополнены главы «Вклад в культурную, научную, художественную и общественную жизнь Загреба», «Эмигранты из России — участники антифашистского Народно-освободительного движения (НОД)» и «Русские захоронения на загребских кладбищах», а также составлены два новых приложения и усовершенствован справочный аппарат.

Не сомневаюсь, что книга найдет своего и российского, и хорватского читателя, будет также интересна и необходима специалистам-историкам и всем интересующимся историей и наследием русской эмиграции на Балканах».

Книга содержит 8 глав и 4 приложения, а также около 100 иллюстраций (фотографии, документы и т. п.), многие из которых публикуются впервые, 93 полных биографии и около 30 сокращенных, сведения о почти 800 русских захоронениях на шести загребских кладбищах. Именной указатель занимает 34 страницы и составляет около 3000 единиц. Представлено несколько списков, например, русских военнопленных Первой мировой войны, умерших в Загребе (28 имен) или россиян и граждан СССР, похороненных на немецком военном кладбище на Мирое (142 имени).

Из рецензии Магдалены Медарич-Ковачич, д. ф. н., ординарного профессора Загребского университета: «...Научный труд Т. Пушкадии-Рыбкиной и И. Грубмайр... отличается глубинным подходом к поиску и проработке материала: это фундаментальное исследование одного из самых интересных и

важных для истории России XX века явлений — так называемого русского рассеяния, проведенное на основании анализа многочисленных архивных и документальных источников. Издание иллюстрировано редкими фотографиями, в частности и из семейных собраний».

Презентация книги состоялась в Хорватском национальном архиве (Загреб). Планируется представление и в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), где в 2008 г. уже представлялось первое издание.

Книга отмечена наградами: первое русскоязычное издание — почетным знаком Росзарубежцентра «За вклад в дело дружбы» (2007), а нынешнее — дипломом «Серебряный Дюк» в номинации «Книга» Международного конкурса им. Де Ришелье (2019).

Несколько слов об авторах:

Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина родилась в Загребе в 1929 г. в семье русских эмигрантов. Окончила Загребский университет. Химик по образованию. С 1954-го по 1985 г. работала в Хорватском национальном архиве, где руководила Центральной лабораторией консервации и реставрации. Стояла у истоков формирования современных методов консервации и реставрации архивных материалов в Хорватии. Вместе с отцом, инженером В. М. Рыбкиным, и Н. Н. Павловичем участвовала в разработке аппарата для ламинирования архивных документов, запатентованном под названием «Импрегнатор». В 1981 г. получила от Архивного совета Хорватии звание архивного консультанта. Известна в научных кругах своими многочисленными научными статьями.

Инна Ивановна Грубмайр родилась в Ростовской обл. в 1969 г. Окончила филологический факультет Ростовского государственного университета, кандидат филологических наук. Работала преподавателем в Дамаске, Рияде, Нью-Йорке, Загребе. В настоящее время живет в Австрии и преподает русский язык в университете Й. Кеплера и ООН. Автор статей и видеоматериалов по теме истории российской эмиграции. Участница международных конференций. Директор по связям с Европой Пушкинского общества Америки. Участница группы по сохранению исторического наследия «Руснаслед» (Загреб, Хорватия).

По вопросам приобретения книги обращайтесь по адресу innagrubmair@gmail.com, а также добро пожаловать на страничку в Фейсбуке *Эмигранты. Жизни и судьбы*.

Фрагмент книги будет опубликован в следующем выпуске «Вестника».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЬБЫ

В России Катерина Квитницкая (1946–2007) почти не известна. А между тем, критики, знакомые с её творчеством, называют её поэтессой милостию божьей и одним из лучших женских имен русской поэзии XX века. В юности ей пророчили необычайную литературную славу, сегодня имя К. Квитницкой за пределами родного Киева предано забвению. Как же так! Как могло случиться? Так распорядилась судьба. Но это тема отдельного разговора.

Мне посчастливилось дружить с Катей в последние годы ее жизни, и у меня находится часть её литературного архива за этот период времени, черновые материалы для последнего прижизненного издания — сборника стихотворений «Ять», несколько писем, её последние фотографии.

Предлагаемый ниже текст — сокращенный вариант статьи Татьяны Квитницкой-Рыжовой «Быть Катериной». Полную версию этой статьи я, с разрешения автора, передала в журнал «Гостиная» Веры Зубаревой, где материал был опубликован в выпуске «Соло судьбы» за 2011 год.

Наталия Мизури

Татьяна Квитницкая-Рыжова: БЫТЬ КАТЕРИНОЙ

Памяти Катерины Квитницкой

Катя была талантлива — безоговорочно, однозначно, без всякого снисхождения. Свой щедро-принудительный дар она пронесла как факел, озаряя, обжигаясь, сгорая. На алтарь поэтического совершенства было брошено всё — семья, близкие, судьба. Исключительно во имя магии слова...

Ситуация усложнялась и тем, что по сути она была поэтессой трагическим. И не потому, что трагичная судьба привела её к этому. Скорее наоборот. Свою, в общем-то, достаточно благополучную жизнь она сознательно (или подсознательно) подгоняла, адаптировала, режиссировала под трагедию. Как писала Вера Инбер: «...потому что когда нам как следует плохо, мы хорошие пишем стихи».

ТРАГЕДИЯ воспринималась как источник вдохновения, стимул и пусковой механизм высокого творчества (не только на уровне подсознания, но и вполне осознанно), что определяло стратегию восхождения к поэтическим вершинам, способность воспарить и увидеть невиданные дали.

Пока ты так безжалостно глядел,
А сердце моё падало отвесно,
Я думала: «Ну, что ж, в моей беде
Нуждается российская словесность.
Теперь мой каждый выморочный плач
Принадлежит её святому горлу».
И я тогда порадовалась горю,
Как самой благотворной из удач.

Интересно, что трагизм касался в основном поэзии. В жизни она не была ни нытиком, ни меланхоликом, плакала крайне редко («тугоплачей была, тугоплавчей была молибдена»). Невзгоды переносила стойко, даже как-то философски-равнодушно и отрешенно-спокойно. Реальные неприятности её волновали мало. Да и невзгоды чаще всего были рукотворные, созданные ею самой.

И еще был БУНТ. Всегда и во всём. Она бунтовала против власти, родителей и мужей, против правил и авторитетов, против быта и покоя, но главное — против самой себя. И бунт этот был всеобъемлющим, беспощадным и, в конечном итоге, разрушительным. Он был её подвигом и приговором.

Прямой завет семьи старинной,
Напрасный подвиг с детских пор
Быть неизменно Катериной,
Самой себе наперекор! <...>

Свобода личности неразрывно сочеталась со свободой творчества. Её вольное перо меняло законы речи, стилистики и стихосложения. То, что она делала со СЛОВОМ, завораживало и зачаровывало, казалось головокружительно-невероятным...

Родилась Екатерина Квитницкая-Рыжова (поэтическое имя — Катерина Квитницкая) 19 февраля холодного и голодного послевоенного 1946 года. Родилась в страшную бурю, о которой писали газеты. В папином архиве сохранилась газетная вырезка, посвященная единственному младенцу, родившемуся в разгар разыгравшейся стихии. Родилась она недоношенной, весом 1 кг 800 г. Несколько месяцев в доме жила монахиня, которая помогала выхаживать ребёнка. Кормление происходило круглосуточно, каждые два часа. Девочку всё время обкладывали грелками, постоянно что-то распиливали, чтобы топилась печка. Очень скоро она перешагнула опасную грань, одержав полную победу в борьбе за жизнь.

Катя была талантлива от рождения... Уже в трёхлетнем возрасте говорила стихами. В школьные годы её стихи, печатавшиеся в «Пионерской правде», читала вся страна. Ими открывали съезды, утренники и линейки. Нашу школу заваливали письмами. Тысячи ребят в одночасье захотели переписываться с талантливой девочкой... Но не только совет-

ские школьники смогли оценить масштабы её таланта. Это понимали и родители, очень рано осознавшие, какую незаурядную дочь послала им судьба. Тем более что к числу «интеллигентов в первом поколении» они не принадлежали, культура была не благоприобретенной, а потомственной. В генетической памяти присутствовали высокоинтеллектуальные предки, имевшие по несколько дипломов элитарных ВУЗов времён Дома Романовых — юристы, инженеры, адмиралы, генералы, профессора.

Читала она круглосуточно, запоем. Ночью настольная лампа тщательно пряталась под одеялом, и лишь узкая полоска света выдавала нарушительницу режима. Наши кровати стояли рядом, и я одна знала, что она читает ночи напролёт. Именно тогда начала быстро прогрессировать её близорукость.

Блестящая память, яркое неординарное мышление и поразительная способность к самообразованию, помноженные на счастливую возможность общения с удивительным отцом, создали феномен Катерины Квитницкой, одного из наиболее образованных гуманитариев своего времени. Она знала решительно всё и обо всём, в первую очередь, конечно же, о поэзии.

...Родители тщетно пытались обуздать эту строптивую натуру, ввести её в какие-то рамки, от чего-то уберечь и предостеречь, что-то предвосхитить и предотвратить. Им можно только посочувствовать, поскольку это занятие было изначально безнадежным. Уберечь Катю от Кати было не под силу никому. Вся её жизнь изобиловала сражениями, восстаниями, баталиями, поражениями и викториями. При этом уж кому-кому, а родителям доставалось всегда и по полной программе. В новогоднюю ночь, в год вторжения советских войск в Чехословакию (1968), Катя учинила настоящий скандал, да еще с продолжением — с прологом и эпилогом.

В то же время все жизненные катаклизмы неизменно разворачивались на фоне невероятной радости, которую дарило её творчество. Ведь читая её строки, можно было простить многое. Удивительная образность, фантастическая метафоричность, взрывоопасная талантливость — были искуплением и наградой.

Брела, брела — нелепо, слепо.
Был снег — без краю и конца.
Лежал он гипсовый, как слепок
Земли посмертного лица.

Кто же ещё мог сказать:

О, что осталось нам, толчёным в этой ступе,
Идущим по стерне подкошенных надежд»?..

Её строки становились афоризмами, их цитировали, пели под гитару, не зная имени автора и даже не интересуясь этим.

Попытка отыскать в её творчестве что-то самое лучшее, самое яркое и самое сильное обречена на провал. На каждой странице — находки, перлы, шедевры. Проще идти другим путём — искать что-то более слабое. Но, как известно, поэтов судят по их вершинам, а не по лабораторным работам. Перелистывая её книги (при жизни, кроме журнальных публикаций, вышло три поэтических сборника — «Козырная карта», 1998; «Кровословье», 2003; и «Ять», 2006), погружаешься в невообразимый мир образов, попадаешь в магическую биосферу её таланта, подпадаешь под безоговорочную юрисдикцию её слова, рифмы и ритма.

Ну а теперь о главном — о любви. Не знаю, как разграничить — «в жизни» и «в творчестве». Здесь всё смешалось причудливо и неистово. Её любовь была подчинена поэзии, а поэзия подчинена любви. Ведь зачастую она была «...не повод для знакомства, а пожива для стиха».

Подозреваемый в любви!
Я предъявляю вам улики.
Взгляните: справа пьяный дождь
идёт, шатаясь и скользя.
Взгляните: слева белый свет
тому дождю равновеликий.
Сознайтесь же, что в этот день
вам не любить меня нельзя.
Подозреваемый в любви!
Вот ваши ночи-одиночи.
И ваши верно потому
во тьму уставлены глаза.
Сознайтесь же, что в эту ночь
меня вы видите воочью.
Сознайтесь же, что в эту ночь
вам не любить меня нельзя...

КАТЯ И ГЕЛИЙ¹. Это отдельная глава и отдельная повесть. Об этом можно писать много, что они оба и делали. У неё — потрясающие лирические циклы и поэма «История любви», которую Белла Ахмадулина назвала лучшим, что она слышала на русском языке. У него — главы из «Романа-доноса», наполненные Катей. Его знаменитый рассказ «Роди мне три сына», напечатанный А. Твардовским в «Новом мире» (о котором Константин Симонов писал, что это лучшее произведение о войне), был также написан на взлёте любви к Кате...

¹ Гелий Снегирев — театральный актер, писатель, журналист, кинорежиссер, впоследствии диссидент, первый муж Катерины Квитницкой.

Тема любви-войны, любви-сражения, любви-сожаления, потери и раскаяния надолго вошла в её творчество. Она развивала её глубоко и талантливо, с полным знанием дела.

Мы вышли на тропу войны,
Нежнейшей беспощадной битвы.
И наши не слышны молитвы,
И наши раны не видны.
Пусть они стоят пока,
Твои преграды и помехи.
Но я муштрую для потехи
Свои потешные войска.

Нет, не помилую любя.
Беду не разведу руками.
Коса уже нашла на камень.
И я уже нашла тебя...

Мне кажется, что самая пронзительная, талантливая лирика возникла после их разрыва и — по восходящей — после его трагического ухода из жизни. Ведь трагизм утраты, безнадежность и безысходность были её поэтической стихией. Счастливые будни её никогда не привлекали и, тем более, не вдохновляли. Писать о них она не умела и не хотела.

Ты бессмертен вполне.
Я тебя прокляла
Ледяными словами
любви и таланта.
Мы — как свечи в ночи —
доживаем дотла —
И себе — палачи,
и себе — дуэлянты. <...>

Началась непрерывная череда романов, приключений, головокружительных побед — от генеральных конструкторов до таксистов. Собственно, всё это начиналось (намечалось) ещё при Гелии...

Одним из наиболее сильных увлечений, оставивших яркий след в её творчестве, был умный, красивый и незаурядный Отар Гвахария, давний приятель Гелия. Он был генеральным директором какого-то крупного объединения... Именно Отар приобщил Катю к Грузии и её культуре, ввёл в круг грузинской литературной элиты, организовал публикации её стихов в эксклюзивном по тем временам журнале «Литературная Грузия». Старый Тбилиси, история древнего зодчества, виноградная лоза, неповторимый колорит грузинского застолья — ярко воспеты в её стихах. С лёгкой руки Отара она начала переводить грузин-

ских поэтов — Галактиона Табидзе и Георгия Леонидзе. Её переводы, наряду с переводами Б. Пастернака и Б. Ахмадулиной, вошли в золотой фонд всемирной поэзии. «Эфемера» Г. Табидзе остаётся шедевром поэтического перевода. Каким-то магическим способом в канву стиха был вплетен топот конских копыт.

Поразительно, но в последние месяцы, когда она была прикована к постели и уже очень мало напоминала прежнюю Катю, появился один из мужей, который был моложе её на 12 лет и с которым она прожила на удивление долго. Этот молодой, полный сил мужчина трогательно ухаживал за ней, приносил цветы и вино, часами сидел у её изголовья и читал ей стихи. Поистине в этой жизни очень трудно что-либо понять, особенно из области чувств, да к тому же — людей незаурядных. Но что можно утверждать с уверенностью, так это то, что мужским вниманием она не была обделена никогда.

Да, мы помолвлены с тобой
всем тем, что я сумею молвить.
Отныне ты приговорён
к тому, что я проговорю.
Дарю тебе громоотвод
от всех и всех громов и молний,
и Новый год, и от щедрот —
вот эту храбрую зарю.

Была и обратная сторона медали, к сожалению, обычная при таких эмоциональных перегрузках, удел многих избранных. Её горькие строки «Как бездарно душа захлебнулась и пьянством и блудом...», беспощадные к самой себе, были криком о помощи, которую никто так и не смог ей оказать — ни мужья, ни друзья, ни родные...

Умерла Катя 23 марта 2007 года. Что же можно сказать, оглядываясь назад? Можно ещё раз повторить за ней: «Быть Катериной — труд и пытка, не пожелаешь и врагу». И правда — никому не пожелаешь. Это при том, что объективно всё складывалось более чем благоприятно. С такими исходными данными, при таких условиях задачи, можно было претендовать на триумфально-счастливую судьбу. Но нет, не получилось.

Закройте дверь! Сквозит из декабря!
Сегодня май? Тем более закройте.
Мне жизнь кроил помешанный закройщик —
Из лоскутов. Есть худо без добра.
Закройте дверь. Сквозит из декабря.

В её жизни было действительно всё — гротеск и крайности, греховность и благодать, поразительные победы и сокрушительные поражения. Она постоянно испытывала себя на прочность (а заодно и всех, кто находился рядом), горела в пламени, бросалась в прорубь, искала, теряла, находила, падала в пропасть и взлетала в небеса...

...Никогда, даже в самую тяжелую минуту, она не пыталась разменять свой талант на мелкую монету благосклонности властей. Конъюнктурность и приспособленчество были для неё абсолютно неприемлемы. Расцвет её творчества пришёлся на непробиваемый железобетонный период застоя. Короткая хрущёвская оттепель, открывшая дорогу целой плеяде молодых и навсегда знаменитых поэтов, случилась слишком рано, когда Катя была очень юной, и поэтому её не коснулась. А затем надолго воцарились холодные сумерки. Единственно возможный путь, который был избран, — это молчание, громогласное и красноречивое, молчание как протест, молчание как приговор.

Во сне нам мерещились плахи
И кладбищ сырое быльё.
Как лейб-гренадёры в монахи,
Ушли мы в молчанье своё.
От приторных лживых соблазнов,
От лёгкой дороги в тузы,
Увёл нас правдивый и властный
Безмолвия чистый призыв.
Не даром, не даром, не даром,
Безвременно всех погубя,
Нас совесть — как в церковь татары —
Загнала в самих же себя.
И пусть мне похвастаться нечем,
Но сердце утешено тем,
Что так велико красноречье
В бесславной моей немоте.

Но немота не была пассивной. Она была властной и грозной. Она была не поражением, а победой. И неспроста в её стихах очень часто возникает образ волка, гордого, дикого, загнанного, но не сломленного...

Я не знаю, достаточно ли мы, близкие, сделали для Кати. Наверное, нет. Но это было нам не под силу. Ведь сделать её счастливой, богатой и благополучной было невозможно по определению. Известный афоризм Козьмы Пруткова «Если хочешь быть счастливым, будь им» для неё оборачивался категорическим «Не хочу и не буду». Ей было дано всё: красота, отменное здоровье, ум, интеллект, хорошая семья, достаток, профессия, умный и незаурядный сын, абсолютная власть над мужчинами и обожание друзей. Но на другую чашу весов щедрой рукой был брошен большой талант поэта «Божьей милостью». И он перевесил всё остальное. И за него пришлось платить, и платить дорого — жизнью и судьбой.

Куда бежать избраннику, тому,
Кто в этом мире призван быть поэтом?

В кино, в библиотеку или в гетто,
Под поезд, в ресторан или в тюрьму?
Бессилен возраст, бесполезна лесть.
Он будет отрекаться снова, снова.
Но в смертный час он задохнётся словом.
Поэзия — смертельная болезнь.

Отрывки из книги «Катерина Квитницкая в жизни и творчестве»

«Я никогда не думал, не предполагал, что буду писать воспоминания о Кате Квитницкой. Представить себе, что когда-нибудь Катя уйдёт, было невозможно. Поскольку мой Киев — это Киев, в котором живёт замечательная, талантливая, сумасшедшая, нет, не сумасшедшая — неистовая Катя Квитницкая. С юности для меня Киев — это Катя, поэзия — это Катя, безумная любовь к литературе, к языкам — это Катя...» (*Юрий Рыбчинский*)

«...Анне Ахматовой показали стихи киевского подростка. «Я, — сказала она, — хотела бы увидеть эту девочку».

...Уже много позже Белла Ахмадулина выслушала от автора — по телефону — поэму «История любви». Помолчав, Белла Ахатовна заметила: «Это лучшее, что я слышала в последние годы».

...Замечательный знаток и ценитель русской поэзии, тифлисец Владимир Мачавариани, рискнувший напечатать ту поэму в «Литературной Грузии», да еще в самые застойные времена: «Читая стихи Квитницкой, хочется радостно перекреститься».

Всё это именно в устном исполнении. И пусть, пусть те реплики останутся для позднейших, уже письменно-печатных к ним комментариев...

Поэзия Квитницкой — резюме, «козырная карта» всей русской поэзии, «императорского» периода, всех классических её обликов. Стихи с совершенно поразительной силой и уверенностью воспроизводящие эти «облики». Оказывается, напрасно Пушкин сетовал на отсутствие эха поэзии, его ли или вообще усилий других поэтов! Стихи Квитницкой — сложнейшая и вместе с тем убедительнейшая в своём звучании акустическая система, резонирующая всей эстетической суммой предшествующего русского стиха. Того самого, который мы называем классическим...

Поэт с кажущейся лёгкостью воспроизводит всю его ушедшую музыку, весь невероятный спектр умолкнувших, ушедших его звучаний, исчезнувшую голосовую радуго...

Как эта поэзия сжигает все свои корабли и все свои мосты! Катерина Квитницкая биографически была великая мастерица сжигать те мосты. И не только за собой, но и перед со-

бой... Это главное свойство биографии с сокрушительной силой перешло в её поэзию. Но вся эта женская (а подчас уже не женская) ярость удивительным образом помещена в рамках и форматах классического поэтического языка!» (*Вадим Скуратовский*)

«Она продолжила путь изгоя, изгнанника, диссидента до решительной изоляции, выпадения из общества и даже из быта. Причём, по собственной воле, по внутренней потребности» (*Игорь Моисеев*)

«Если бы ты появилась на 10 лет раньше...», — сказала ей Белла Ахмадулина. Это вечное наше «если бы», которое заставляет нас приспособляться, искать в своей судьбе изначальную данность.

К судьбе поэта-«нелегала», «широко известного в узких кругах», она привыкла. Упустить свое время — не значит не состояться. Ей нравятся слова Гумилёва: «Поэзия — это сознание собственной правоты». В те годы, когда она писала в стол, пряча надежду поглубже и всё же доверяясь редкому случаю, слова эти были лейтмотивом её жизни. А случаи были! Стихи жестоко кромсались в «Радуге», набирали и в последний момент рассыпали набор в «Литературной Грузии».

Как-то в компании, где находился знаменитый бард А. Городницкий, она произнесла одну свою строку. Городницкий мгновенно насторожился. Вечер плавно перешел в бенефис Квитницкой. С тех пор он названивал по три раза в день, справляясь о том, как идёт работа над сборником её стихов. В Екатеринбургском издательстве «Старт» Городницкий изъясил из плана свою книжку в пользу сборника Екатерины. Прошедший год развеял иллюзии — нет средств на поэзию.

А дальше начинается сказка. Опять же случай помог её отцу, кстати, предводителю украинского дворянства, профессору Ю. Н. Квитницкому-Рыжову, отыскать в Калифорнии сводного брата. Отправляясь в гости к родственнику в Америку, Юрий Николаевич взял стихи дочери. Так они попали на конкурс, ежегодно проводимый Международным Пушкинским фондом в Нью-Йорке. Первое стихотворение триптиха «Чернобыльские опыты» Екатерины Квитницкой было отмечено первой премией...» (*Милана Некрасова*)

Настоящий материал публикуется по книге: Катерина Квитницкая в жизни и творчестве. — Киев: Издательский дом «Простір», 2008. —191 с.

Татьяна Квитницкая-Рыжова — доктор биологических наук, профессор, руководитель лаборатории морфологии и цитологии Института геронтологии Академии медицинских наук Украины (г. Киев). Родилась в Киеве, закончила биологический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Известный учёный-морфолог. Основными направлениями научных исследований являются структурные аспекты старения клеток, возрастные особенности нейро-гуморальной регуляции, изучение механизмов возрастзависимой патологии. Автор более 220 научных работ. Младшая сестра Екатерины Квитницкой (Екатерины Юрьевны Квитницкой-Рыжовой). Под ее редакцией вышла книга, о которой речь шла выше.

В следующем выпуске «Вестника» читайте подборку стихов Екатерины Квитницкой.

ПОЭЗИЯ

Конкурс «45-й калибр» на портале «45-я параллель»

Пушкинское общество Америки продолжает участвовать в проведении конкурса имени Георгия Яропольского «45-й калибр», организуемый поэтическим порталом «45-я параллель»). Необычное название портала связано с городом Ставрополем, базой издателей, находящимся на 45-й параллели. В жюри конкурса участвует ответственный редактор «Вестника» Дмитрий Гаранин. Пушкинское общество Америки учредило номинацию «Душа в заветной лире» за продолжение пушкинских традиций в русской поэзии в конкурсе «45-й калибр» (https://45parallel.net/45_calibr_2019). Почётную грамоту и денежный приз \$100 получил Валерий Сосновский из Екатеринбурга. Ниже мы публикуем подборку его стихов.

Валерий Сосновский: ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН

И нет им числа!

Полоска зари догорает над лесом
И сводит с ума.
На горные склоны печальной завесой
Спускается тьма.
Костер догорает, и шепчутся угли,
Змеится зола.
За темными елями лодочкой утлой
Луна поплыла.
И я засыпаю, мечтая о славе,
О новой весне,
Но кто-то приходит в мой сон величавый,
И шепчет во сне:
«Зачем тебе слава, мой странный приятель,
Мой призрачный друг,
Зачем тебе патока сладких объятий,
Предательских рук?
Не дольше секунды ты мчишься над бездной,
Твой короток сон...»
Сверкнуть — и растаять, сверкнуть
— и исчезнуть
В тумане времен!
Какой нынче август! Глаза открываю —
Змеится зола,
И падают звезды, сверкают и тают,

ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН

Непроспавшимися, пьяными,
С металлическим рублем,
До вагона-ресторана мы
И в Казани не дойдем.
Чай в пакетах, грусть нежданная,
За окошком — синева.
С рюкзаками, чемоданами —
Чувашины, татарва.
Вся Россия полусонная
Подхватила без труда
И плацкартными вагонами
Мчит неведомо куда.
Проводница — стерва та еще —
Ходит, плюшки продает.
Где найдем себе пристанище?
Кто нас любит? Кто нас ждет?
Лес березовый, осиновый,
Осень в огненном венце.
Так и въедем в небо синее
На казенном бельеце.
Небо синее, бескрайнее,
В небе ангелы кружат.

Ложки вздрагивают чайные,
О стаканы дребезжат.

АРКА ДЕЛАМОТА

Александр Леонтьеву

Да и было лишь Слово.
Этим словом пьяны допьяна,
У Николы Морского
Мы распили бутылку вина.
И дома покачнулись.
Отдавая швартовы, и флот
Прилегающих улиц
Устремился в чудесный поход.

В полусне было проще б
Наблюдать их плывущий хорал:
Театральная площадь,
Мариинка и Крюков канал.
Бриг, фрегат или катер?
Левым галсом вдоль Мойки-реки
Шли колонной в кильватер
Все чертоги и особняки.

Вот, подсвечена ярко
В глубине небывалым огнем,
Деламотова арка
Перед нами взметнула проем.
Было в этом свеченьи
Что-то нежное — наша ль печаль?
Херувимов ли пенье?
Неприкаянных душ голоса ль?

Отчего не смогли мы
В сей сокрытый проникнуть портал?
Видно, кто-то незримый
Удержал непослушный штурвал.
Где-то струны звучали
И шумели вдали катера.
Мгла звенела ключами
На цепочке святого Петра.

Слишком много печали в
Этом воздухе, в этих ветрах.
Счастлив тот, кто, отчалив,
Усмехнется — на *тех* берегах.
Там предвечные дали,
Там бессмертья блистающий дым.
Мы давно опоздали:
Хорошо умереть молодым.

А потом все исчезло.
Все заполнил молочный туман.
Деловито и трезво
Нас таксист развозил по домам.
Помолчали сурово.
Огонек сигареты потух.
Да и было лишь Слово,
И никто не сказал его вслух.

КЕЙС ВЕРХЕЙЛ и КЕЙС СМИТ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

По-голландски воркуя, заморские гости
Покидают университет.
У них шляпы с пером, а в руках у них трости,
А в глазах — переливчатый свет.

...Вьется пар изо рта, опускается вечер,
На салазках мальчишки скользят,
И деревья в снегу, вскинув белые плечи,
Словно кариатиды, стоят.

Фонари надевают цветные камзолы,
Плещут фары проезжих авто...
А метель разгулялась, и хлопают полы
Их изысканных черных пальто.

Словно непостижимые черные птицы
С серебристым отливом пера;
Скажет Кейс:
«Не пора ли домой воротиться?»
Кейс ответит: «Пора, брат, пора».

И над кариатидами, над мостовую
Мчатся, вьюгу поймав под уздцы,
И летят в Петербург, и парят над Невою,
И глядят на мосты и дворцы.

А потом пролетают над Польшей унылой,
Над угрюмой германской землей,
И ступают на землю Голландии милой,
Ровно в полночь заходят домой.

Сварят крепкого кофе. А чтоб не остыли,
Подогретого выпьют вина.
И друг другу кивнут: «Ах, Россия, Россия,
Удивительная страна!»

МАНХЭТТЕН

Пора! Облаков догоревшие перья
Исчезли из виду.
Прощай, Статен-Айленд! нескоро теперь я
На берег твой выйду.

Неслышно паром отошел от причала.
В воде отражались
Огни, и безумная чайка кричала,
С печалью сражаясь.

А там, впереди, разгорался Манхэттен.
Сияли галерки
Его небоскребов, как желтых отметин
На угольном шелке.

Зеленая статуя в небо упорно
Вздыхала свой факел.
Залив подо мной распростерся, как черный
Мерцающий кафель.

Я видел: под сенью миров бесконечных,
В их призрачном хоре,
Манхэттен вставал,
как огромный подсвечник
В надмирном соборе.

Огни расплескались по глади прибрежной,
А в куполе темном

Спасителя лик распростерся над бездной
В окладе черненом.

Сияли и гасли, сияли и гасли
Терновые звезды,
Мерцали в воде, как багровые астры
Из кованой бронзы.

И Бруклинский мост опускался в Ист-ривер
На тонких коленях.
Я думал: «Храни горделивый, игривый
Смешной муравейник.

Храни этот остров неспешно плывущий,
Свечей не колебля,
Его недешевые райские кущи
И чертовы дебри».

Качался залив, словно на коромысле,
Играя по ведрам.
Огни расплывались, как светлые мысли
Под куполом лобным.

Казалось, я стал невесом и бесцветен,
Из воздуха вылит.
Меня продувал атлантический ветер
Навылет, навывлет.

И на берегу я зажег сигарету
У башни Свободы,
Струящей потоки холодного света
Во мрак небосвода.

К ДОЗМОРОВУ

Берега оставлены —
Эти и другие.
Что туманом в Англии,
То дождем в России.
Детское, хорошее,
Расплылось меж строчек.
Растворилось прошлое,
Выдуло песочек.

Жизнь прошла нечаянно,
Жизнь внезапно стихла.
Посидим в молчании,
Где кого застигло.
В Челси небо хмурится
И гудят буксиры.
На Бажова улице

Строятся квартиры.

Помолчим, печальные,
Свяжем по наитью
Соты мироздания
Золотистой нитью.
На Исети селезни
Ходят словно франты.
Над Биг Бенем бережней
Звуки льют куранты.

Вот и мы — над стогнами,
Кто куда заброшен,
Забывая многое,
Вспоминая больше,
С десткою беспечностью
Над всемирной чашей
Чуть подышим вечностью
Запоздалой нашей.

И вот наступит день, когда спросонок
Открыв глаза, ты улыбнешься мне,
Любимые воскреснут, и ягненок
Удержит мир на шелковой спине.

И я очнусь от ревности и страха,
И загляну в алмазный небосвод,
А лира снова станет черепахой
И в голубую бездну уплывет.

Для этих строк судьба меня кидала
В больницы, в подворотни, словно ком
Стояла в горле, пальцы мне ломала,
Травила суррогатным коньяком.

Для этих строк судьба меня хранила,
Шептала «Авва Отче», как могла
Сушила слезы, спичку подносила,
И нож в руке бандитской отвела.

Сосновский Валерий Игоревич родился в 1967 году и живет в Екатеринбурге (бывший Свердловск). Поэт, журналист. В настоящее время — практикующий психолог и директор Творческого объединения «Питер Пэн». Публиковался в журналах «Звезда», «Урал», «Слово/World», «Нева», «Новом журнале», альманахах. Автор книги стихов «В тиши полночного проспекта». Организатор Международного поэтического фестиваля «Дни Бориса Рыжего». Стихи переведены на французский язык ([Thierry Marignac, 2015](#)). Соавтор двух документальных книг по истории уральских заводов.

Павел Лукьянов: ОСЕНЬ №40

DeathValley

Там, где мы ожидали увидеть одно —
совершенное ветром покрытое дно,
воздух сух и рассержен, каменист
космодром,
прилетело четыре, а остались двоём.
Восемь ног село в тачку и включило
мотор
и про тачку с мотором завели разговор,
а потом замолчали, закрыли глаза,
щёлкал гравий по днищу, как за дверью
Замза.
Мимо долгого пляжа потемневших
камней
проезжало четыре варианта людей.
Расходящейся плоти раздвижные края,
в белоснежном костюме чернолицая я.

Осень №40

Юрию Милуеву

Мы едем роботоподобно
Сквозь охлаждающийся лес
Над безотрывною рекою,
Не представляя интерес.

На острие микроскопии,
В богатом внутреннем миру,
В неотключённом самомненье
Пылинки ломаются в игру:

То окончательно всесилен,
То безотрывно поглощён,
То описуемовсеилен,
То однозначно занесён,

На соляном столпе природы
Невосполнимо воссияй,
На оглянувшееся время

.

В прицеле утреннего света,
Раскрыв великие глаза,
На сына возложи ладони
И заморгай, как стрекоза.

Жена войдёт богоподобно
В венце оmlетных дисциплин,
И — отстранённый комментатор —
Тебя осматривает сын.

Отныне, плотник, ты не плотен,
Ты взвешен, признан и забыт,
Осенний ветер ходит в лёгких
И о нелёгком говорит.

Глаза, как хрупкие кувалды
Последний делают замах,
Летят пылинки на восходе,
Сияя с искренностью птах.

* * *

жизнь в ожидании слов
монументальности снов
светлости и темна
жизнь между *ииа*.
что человек сказал
зашифровал вокзал
линии рельсов руки
пересекаются в *и*.
память разъятых картин
поезд стоит нелюдим
сядешь как перст у окна
скажешь последнее *а*.

картинки с выставки

еле движется природа,
спотыкается прогноз,
у попа была идея
и вопрос.
мир в попытке самостийной
вышел на район
и увидел жёлто-синий

гамма-фон.
крошка-сын к отцу пришёл
и спросила кроха:
— почему трава растёт
на могиле плохо?
и ответил я ему
прямо через глину:
— если твёрдый человек,
то добавь резину.
видишь: смерть сюда идёт
южною походкой,
верный поп собаку ждёт
с плёткой.

заметки инопланетянина

Юрию Милуеву

вся злость грядущих поколений
визжит свиньёй на высоте,
через подушку дышит время
и молит космос о беде.
вступая в лишние владенья,
влача утраченный язык,
седое властное терпенье
корёжит пальцами кадык.
в новинке утреннего солнца
горит намёк на вечный ад,
взгляд умудрённого питомца
удешевляет зоосад.
стробоскопичное забвенье
овладевает суетой,
от вездехода самоменья
исходит отсвет нежилой.
бессобытийная природа
сожмёт по-зверски кулаки
и переделает заводы
на выпуск новенькой реки.
людей под маскою успеха
неузнаваемо мертвит,
испуг андреевич бессильный
с тоской ивановной сидит.

* * *

как будто был и снова буду, —
так говорила мне листва,
в единстве мысли и бездействия
сосредоточенность мертва.
но не мертва, хотя завяла,
хотя утратила черты,
провинциал с провинциалкой
ню-йорк увидят с высоты,
и обомрёт и обомлеет,
и перекосит рот её
рассредоточенность природы,
многоугольный крах её.
в насквозь простроченной рубашке,
в недоотчавившей мечте
фигуры стынут на картине
на безымянной широте.
в лесу бывает так: внезапно
умолкнет даль, набухнет гром,
туристы сдвинутся под зонтик
и обретут покой и дом.

но это не про нас: на срезе наших улиц
молекулы судьбы ведут полураспад,
и можно навсегда и можно не заметить,
как парные глаза не образуют взгляд.

* * *

I mean you know what I mean:
не забирай меня отсюда,
не оставляй меня другим,
не превращай меня в посуду.
I mean you know what I mean:
не покидай меня седым,
не прекращай писать словарь,
не береги свои потери,
не опрокидывай столы,
не кушай простыни в постели,
не забывай меня в лесу,
не обрывай на полуслове,
I mean you know: волк в неволе
не превращается в лису.

и в этом сумраке чужом

располагается наш дом.

собака, ждущая кончины,
не завершает писанины.

I mean you know what I mean:
не оставляй меня одним.

* * *

Александру Смирнову

всё — рассыпается. атомы нас не волнуют:
эти — стоят и не тронутся, древние, с места,
но из молекул и – выше: из клеток, сложнее: бактерий —
всё состоящее — под ежедневным сомнением.
камни лежат, еле стёсаны времени ветром,
а человек каждый день себя держит в руках словно мину,
вроде прошёл, не задел судьбы тайный взрыватель,
выспался, встал и опять погрузился в волнение.
каждая шутка теперь обязует быть точной,
кто его знает, кто час проживёт, а кто спрыгнет,
дети идут или нет, не идут, не выходят,
знают, куда их зовут и сидят в перспективе.
кто говорит, что дурна бесконечность, конечно
мало, что знает о средневозвышенной речи,
мысль хороша, когда есть подходящий приёмник
и любопытный технар, подбирающий волны.
что ты забыл, что запомнил на остановке сердечной?
красный автобус, закрытая дверь, стук мотора.
что наши речи оставляют, помимо сомненья
в том, что они составляли когда-то единый
корпус мужчины, железную гильзу, рассыпанный порох?
смех — как не полностью найденный способ,
не до конца обрывая с привычного мира теченьем,
словно немного противиться, сопротивляться.
всё понарошку, все шутки — как явные слёзы,
исподтишка вдруг принявшие форму литую,
чтоб над лицом навсегда опрокинутой жизни
мы как чужие творили молитву такую:
— друже ты наш, иже муж александр смирнович,
да посвятятся тебе наши памяти кратки,
и да пребудут твои несуразные кудри
как облака, сквозь которые море сверкает.

* * *

Юрию Милуеву

Не человек бежит по кругу, а только лучший из людей,
Раздавлен явной перспективой, ты всё же, друг, не холодей.

Нет — холодей, но чуть попозже, когда весна покажет лист,
Когда земля сквозь снег проступит, и воздух выветрится чист.
Тогда несильными ногами себя от жизни оттолкни
И отлети в элементарный набор азота и любви.
И там, пока не сгинет память твоих оставшихся друзей,
Ты говори о том, что было и, как обычно, багровей.
Сжав кулаки, кричи на деда: — моя квартира здесь, моя!
Платону покажи аккорды: — учись сынок, вот нота Ля!
Дари нам книги, диски — слушать, читать не будем их, но ты
Дари нам то, чем был и будешь и просвещай из темноты.
Не вылезай, как ты умеешь *не вылезать*, свернись в шар,
А мы не любим тихоходов, а мы поставим самовар,
И раскочеем потихоньку твою нахохленную мышь,
И слово выйдет на свободу сквозь устоявшуюся тишь,
И мы обступим лавку света и накопаем в глубине
Чужой души такие клады, какие жить должны вовне! ...
Как жаль, что нет тебя в помине, а то зашёл бы, рассказал,
Расхохотал, раздвинул рамки, раскрылся, вывернул, взорвал!
Я помню чудное мгновенье, передо мной явился ты,
Как невозможное везенье, как апельсин из темноты.

Павел Лукьянов (Россия, Москва; Испания, Барселона) родился в Москве в 1977 году. Кандидат технических наук (МГТУ им. Баумана). Работал на Криогенмаше, на Магнитогорском металлургическом комбинате, в центре ядерных исследований в Женеве, на синхротронном ускорителе в Барселоне. Автор книг «Мальчик шёл по тротуару, а потом его не стало» (М., БСГ—Пресс, 2008), «Бред Брат» (М., Воймега, 2013), «Turistia» (М., Воймега, 2016). Автор

манифеста «Пощёчина частному вкусу» (2018). Один из основателей Русско-каталонской ассоциации (ARCA) в Барселоне. Сценарист фильмов «Зима», «Узел», «Голубая кость», «Урод».

Татьяна Ананич: МОЙ ШЕПОТНЫЙ КРИК

Кроны олив подернуты пеплом седым.
Шепот елейных ветров лампаду луны
мерно баюкает. Здесь просыпается память
косточками маслин в неудобь, –
умашенными, – чтобы не размыкаясь уснуть
навек.

Черная вдова вышивает крестом
в небе, распятом на шероховатых пяльцах
мертвого языка... Ей вождедена смерть:
видишь, отпрыски беспредельной страсти ее
заполняют собой
окоем живущих.

Мой шепотный крик, мой кричащий шепот
амплитудами волн так походят на ропот –
разновидность, дескать, хулы на Творца.
Я ношу в груди Океана клочок,
которому нет конца.

NIHIL TURPI TURPIUS
(Нет ничего позорнее позора)

На стенах копии полотен,
искусственно состаренная рама,
книг муляжи, макетик храма,
пластмассовый, "под древесину",
кораблик – паруса "под парусину"
на скатерти цвета морской волны,
шкатулочки "под бересту" полны
искусственных рубинов и бриллиантов,
тайник из склеенных пустышек-фолиантов
набит монетами под серебро и золото.
В жестянке ржавой из-под кофе молото-
го не то цикорий, не то другой эрзац.
Фальшиво начатый тобой абзац,
испортил нежное послание,
что ты так ровно выводила, –
почти совсем уже признание –
не без использования транспарантов
на нелинованном листе,
что ты сожжешь в искусственном камине.
И вскоре не останется в помине
тех невыраженных фраз.

Мы с ними расправляемся зараз.
Мы чувства распинаем на кресте,
и в каждом междометии – сарказм.
В одном не прав ты был, Эразм:
что, мол, претит природе всякая подделка.
Но человек – природа, с фальшью сделка
большая у него.
В мой век не только у людей, а у всего –
предметов тоже – имитация под что-то:
"под дерево", "под старину", "под бегемота",
верней, "под толстокожесть" оно.
И даже там у некоего ученого –
очки в большой пластмассовой оправе
"под черепаху". И он читает медленно "виз
лаве",
мол, "маде ин Чина",
мол, зер гут! мотай на ус!
Такая вот, Эразм, друг, у нас кручина.
Нихиль турпи турпиус.

Боль и кандалы на вырост, чтобы не жали.
Жизнь – берегиня лыковая по парче, без ли-
ца.
Еще бьются в груди плотяные скрижали.
И молчание "под золото" кроме тельца
принимает все бодливые формы.
Междуречный слагаешь в сердцах зиккурат:
за неимением культуры языковые нормы
уматеряешь, чтоб утвердиться. Не брат.
Не сын. Не разводящий амурь.
Там, где макаровых нет коров.
Мысли хлещут, не щадя шкуры.
Неуютно ежишься от чьего-то "кров".
Словарь из тех, что в тайге беспоповцы
имут, не сетуя на нехватку слов.
И английский букварь, где "неправильные"
те овцы
перед сном считают своих пастухов.

Путь "из себя" в греки,
путь из греков "в себя".
В небеса ушли реки

мыслей – простор углубя
до такого тумана,
что ни звука, ни зги –
чтоб низринуть сопрано
сохлым горлом брюзги.

Выпадает в осадок
разум, сорвавшись с небес,
без видимых неполадок:
сам по дрова, сам – в лес.
От мозглой отдачи свыше
выпускаешь немые пары,
жадно вписавшись в нишу
круговорота хандры.

Путь "из себя" в греки,
путь из греков "в себя".
Из варвара в человеки,
в босоногое "я".
Сгорающее со стыда Солнце
с чертами земных богов.
Пастушья песнь льется
из бараньих рогов.

Осязаемо слово
мертвого языка.
Приятное, как обнова
на ощупь... скользит рука
по допотопной скудели,
молитвенно, не спеша,
зная наверняка: на деле
это и есть душа.

МИР,

где аукают жалобно чаяния
у безэховой пропасти,
где скребется чье-то отчаяние
по сусекам чьей-то совести,
где четыре бетховенских «баха»
бьют наотмашь, сбивая с ног.
Карт колода. Подмости. Плаха.
Кто родился, кто занемог.
Здесь малюет закаты брусничные
чья-то память проворная.
В чемоданы набитая жизнь,
но для глаза пока просторная,
ведь еще ты не ощутил
в ней свою неприкаянность,
но стыдится себя любовь
как нечаянность;
здесь тщеславие платья шьет,
примеряет маски,
здесь так часто грубый расчет
принимаем за ласки.

Мир,

где счастье – лишь сдача с всего,
что зовется несчастьем;
одинокество ищет приют,
укрываясь ненастьем;
где бросают письма в огонь
до того, как отправить;
где бросает в жар оттого,
что нельзя ничего исправить.

Ананич Татьяна Анатольевна родилась 13 ноября 1985 года в Смоленске. В 2008 году окончила Всероссийский заочный финансово-экономический институт. В 2012 году эмигрировала в США. Окончила школу актерского мастерства имени Стеллы Адлер в Лос-Анджелесе. Автор сборника стихотворений «АнтиУтопия». Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская Лира» и одноименного журнала (2017). Публикации в журналах «Новый журнал», «Слово/World», «Эмигрантская лира», «Интерпоэзия». В настоящее время учится в магистратуре Тель-Авивского университета, специальность «Археология».

ПРОЗА

Валерий Бочков: ГРЕХ НОМЕР ПЯТЬ

Маленькая повесть

Когда моя мать стучала в незнакомую дверь, я стояла за ее спиной с карманной библией в потной руке. От тесного воротника жгло натертую шею, черная шерсть платья воняла прелой козлятиной, и я чувствовала, как щекотные капли горячего пота одна за другой сползают по желобку позвоночника под резинку трусов. Я стояла за ее спиной и улыбалась. Улыбалась именно так, как она меня учила — улыбкой ангела, принесшего благу весть.

Моя бедная мать сошла с ума еще в России.

Или страна все еще называлось СССР? Или уже СНГ? Или как-то еще? Матушкино тихое помешательство осталось незамеченным на фоне общего безумия, скорее, наоборот, — именно она, моя матушка, выглядела разумной, спокойной и логичной на фоне предпоследнего акта великого русского Апокалипсиса.

Миллионы наших обескураженных сограждан к тому времени уже толком не знали, кто они такие — советский народ, россияне или просто русские. Доценты становились истопниками, кадровые офицеры шли в сторожа и охрану; учителя и инженеры мотались в Турцию и обратно и неожиданно бойко торговали пестрым тряпьем на олимпийских стадионах, превращенных в барахолки.

Золотое солнце новой эры вставало над империей.

Поле Чудес растянулось на двенадцать часовых поясов и привольно раскинулось от Камчатки до Калининграда, от Белого моря до Черного. Капитализм объявили Божьей благодатью, непонятные слова «инвестиции», «пакет акций», «ваучер», «процентная ставка» повторялись, как заклинания, рыжий пацан со смешной хохляцкой фамилией бойко врал по первому каналу, что совсем неважно, кто хозяин завода — ты или я, главное, чтоб у завода появился хозяин. И тогда всем нам будет счастье.

Русское простодушие и вера в чудеса оказались убедительней сомнительных теорий бордатого Маркса.

Наступала новая пленительная жизнь, жизнь, свободная от здравого смысла и логики. Жизнь, неподвластная законам физики, жизнь, вырвавшаяся из скучных оков арифметики. Долой цифры, да здравствует чудо! Квартиру на Фрунзенской набережной можно было купить за месячное пособие американского безработного.

Проституция оказалась вполне приличной профессией.

Бандиты и менты оделись в черную кожу и даже внешне стали теперь неразличимы. Комсомольцы неожиданно проявили потрясающие экономические таланты. Ленин оказался сволочью, евреем, калмыком и чуть-чуть даже немцем. Дзержинский — наркоманом и педерастом, Сталин — импотентом и садистом, с ярко выраженным Эдиповым комплек-

сом. «Архипелаг ГУЛАГ» продавали на каждом углу вместе с «Жигулевским» и шоколадными яйцами из Баварии.

По вечерам вся страна пила голландский спирт «Рояль», смотрела программы про зверства своих отцов и дедов, а после заряжала водопроводную воду в трехлитровых банках перед экраном телевизора с двумя вкрадчивыми прохожими — Чумаком и Кашпировским. Они называли себя «психотерапевтами».

Тогда же испарился Сережа, мой инфантильный и по-женски капризный родитель, красавец, похожий на французского актера Делона, с чуть вялым подбородком и безупречными ногтями. Он занимался журналистикой, как хобби, но грозил написать «настоящий роман», больше всего любил жареную треску в панировке и ватрушки с топленым молоком. Главным мужским качеством считал начищенные до зеркального блеска ботинки. «Екатерина, знакомишься с мальчиком, — учил меня Сережа, — всегда смотри на ботинки!»

Мне только исполнилось тринадцать, и я плевать хотела на мальчишеские ботинки. К тому времени мой биологический папаша (назвать его отцом язык не поворачивается даже сейчас) окончательно перешел в разряд персонажей, абсолютно лишенных авторитета и уважения, пополнив черный список позора, который открывала Марья Николаевна, школьная директриса, и замыкал генерал Лобода, наш сосед сверху. Директрису я застала на откровенном вранье, а генерал лупил своего пуделя во время прогулок.

Спустя месяц после его исчезновения мы получили открытку из Болгарии с бирюзовым пейзажем и чайками, кажется это был Слынчев Бряг; Сережа желал нам обоим — матери и мне — удачи и здоровья и объявлял о начале новой жизни. Своей жизни. Мать тихо — у нее был талант ступать бесшумно даже по нашему старому дубовому паркету — сходила на кухню и вернулась в гостиную с железным молотком для отбивки мяса. Спрятав очки в карман ситцевого халата, она подошла к стене и с азартом принялась колотить рамку со свадебной фотографией. После аккуратно смела осколки в совок. На стене остались безобразные раны, которые я впоследствии завесила бесплатным календарем с похотливыми девицами, ласкающими стиральные машины и другую бытовую технику.

Легковесный Сережа сам по себе не смог бы угробить мать — калибр был мелок, он просто оказался последней каплей, той самой фатальной соломинкой, ломающей спину верблюду. За год до исчезновения Сережи умер дедушка, мамин отец, генерал не столько по званию (в отставке он был уже лет десять), сколько по функции, производной от значения и смысла английского прилагательного «general». Главный, основной, наиважнейший.

Думаю, и Сережа драпанул, учуяв своим заячьим нутром, как те звери перед землетрясением, грядущий крах дома Каширских. Да, как у Эдгара По. Ведь даже дураку ясно, что без центральной опоры крыши и стенам долго не продержаться.

Мать уволилась с журфака, где она преподавала английскую литературу, впрочем, один черт, зарплату в университете не платили уже месяца четыре. Пыталась подработать переводами: некто Славик, похожий на сильно пьющего физрука, подкидывал ей работенку — инструкции к компьютерам, но Славика вскоре взорвали в его «мерседесе» какие-то чеченцы. Сгоревший кузов машины показывали в криминальных новостях по московскому каналу. Загадочные слова «хард-драйв», «винчестер», «мегабайт», напрочь отсутству-

ющие в словарях и напоминавшие тарабарщину из научной фантастики, перестали звучать на кухне, где матушка обустроила свою переводческую берлогу.

Позвонила школьная подруга Зойка, спросила, потянет ли мать синхронный.

Какая специфика? — поинтересовалась мама. Да какая разница, кажется, что-то религиозное, — ответила Зойка. Безобидный звонок оказался фатальным, или, как писали в викторианских романах «он стал роковым поворотом в нашей судьбе».

Джошуа Локк показался мне стариком, впрочем, вполне крепким.

На самом деле ему было чуть за пятьдесят. Бровастый, с седыми усами, в настоящих ковбойских сапогах с серебряными набойками на хищных носках, он говорил низким голосом с убедительной хрипотцой. Так говорили благородные шерифы в американских вестернах, его английский отличался от британского жеманного выговора простоватой честностью и приятной округлостью согласных «R» и «W». После травоядного Сережи даже престарелый Локк выглядел вполне завидным мужиком.

О иеговистах, или «Свидетелях Иеговы», я не знала ничего.

Джошуа, которого мама церемонно называла «сэр», принес нам целую коробку литературы на русском языке — три библии в черных дерматиновых переплетах, журналы с пугающими названиями «Пробудись!» и «Сторожевая башня» и несколько пачек религиозных брошюр на дешевой бумаге.

Мама, безусловно прилежная во всем, начала кропотливо знакомиться с концептуальной основой теории «Свидетелей Иеговы». Пионерское детство и комсомольская юность, учеба в университете, а после работа на факультете журналистики оставили мою матушку абсолютно девственной в вопросах религии. Ее познания ограничивались сумбуром из Булгаковского романа, интуитивным пониманием сюжета знаменитых картин («Поклонение волхвов», «Бегство в Египет», «Поругание Христа» и прочими подобными хитами изобразительного искусства) и двойным виниловым альбомом рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», второй диск которого постоянно заедал на арии царя Ирода, исполняемом в стиле задорного чарльстона.

— Представляешь, — кричала мне мать из кухни. — Оказывается, нет никакой троицы! Ты слышишь?

Я плелась на кухню.

— Оказывается, троица это просто наследие язычества! — отложив карандаш, которым делала пометки в брошюре, она радостно смотрела на меня. — Я сама никогда не могла понять — это ж нонсенс! Что такое — триединство? Глупость какая-то!

Надо признать — у «Свидетелей Иеговы» была своя логика.

Святой дух они считали просто божественной энергией, а не личностью, а уж тем более каким-то голубем.

Христос никогда не был сыном бога, он выполнял его божественные поручения в качестве посланника и глашатая. Пророка. Иногда Бог наделял его способностью демонстрировать кое-какие чудеса. После распятия Бог воскресил Иисуса, а после вознес на небо. Дева Мария с ее непорочным зачатием, старик Иосиф, волхвы и зарезанные младенцы — все эти языческие сказки, имели одну цель — привлечь к новой вере колеблющихся идолопоклонников.

Сам Джошуа обрел веру давно, когда его, еще почти пацаном, загребли в десант и отправили воевать во Вьетнам. Через два месяца он угодил в плен и провел полтора года в клетке из бамбука где-то в джунглях на юге провинции Кам Ран. Его соседом по заточению был проповедник из Миссисипи, одноглазый негр с неуместно куртуазной фамилией Де Помпадур. Времени было хоть отбавляй, проповедник оказался говоруном. Скверная еда, дрянной климат, по ночам Джошуа снился Армагеддон — великая битва Бога и сатаны, в результате которой должны были погибнуть все безбожники.

Иеговисты не будут принимать участия в бойне, лишь наблюдать за уничтожением грешников. Следить, как Бог, изоощренными способами, известным нам по святому писанию, будет очищать планету от нечисти. Негр уверял, что после безусловного поражения сил зла, Иисус вернется на землю и будет править миром. И его правление станет земным раем, которым смогут насладиться лишь «Свидетели Иеговы».

Джошуа вернулся в Арканзас неукротимым неофитом. В родном поселке Совиная гора он основал первую общину «Свидетелей Иеговы» в округе и стал ее проповедником и духовным наставником. Собрания поначалу проводились в старом амбаре с худой крышей. Через год Джошуа удалось набрать денег на деревянную церковь (иеговисты называют места своих сборищ Залами Царства), а через десять лет Джошуа Локк уже проповедовал на многотысячных стадионах, куда он прилетал на личном вертолете.

В Москве, в душных актовых залах школ, в домах культуры, в пыльных кинотеатрах, собирався городской люд, по большей части бабы с простоватыми лицами, сердитые и любопытные, вконец сбитые с толку враньем проходимцев, которые называли себя политиками, экономистами и реформаторами. Я тоже сидела в зале, тихо выполняя роль шпиона, прислушиваясь к репликам этих теток, к их комментариям.

Джошуа, сухой и строгий, похожий на крупную черную птицу, ходил по сцене, мерно постукивая каблуками кованых сапог. Звук напоминал ритм метронома, что-то в темпе «пиано модерато». Держа микрофон в крепком загорелом кулаке, он иногда останавливался и обращался прямо в зал, иногда поднимал голову, точно разговаривая с кем-то наверху. Его баритон завораживал, мастерские модуляции, округлый арканзасский акцент, шерифская усталая хрипотца. О эта шерифская хрипотца! — московские тетки млели. Даже те, кто не понимал ни слова по-английски.

Эти слова переводила моя мать. Смирная и серьезная, в тугом платке, в старом платье мышинового цвета, она сидела в углу сцены, сложив руки на коленях. В промежутках между фразами, она подносила микрофон к губам и проникновенно в него шептала. После рококо-щего баритона Джошуа — божественно грозного, ее голос звучал ангельским воркованием.

— Бог един, и имя его — Иегова. Мы живем в эпоху последних дней, накануне Армагеддона, величайшей битвой между добром и злом. Еще при нашей жизни Иисус Христос, посланец Божий, явится во славе на землю и станет вершить Страшный суд. И только уверовавшие в Иегову, только помазанники Его, только малое стадо, составляющее сто сорок четыре тысячи, отправятся на небо.

Конкретная цифра, вроде точного (всего 144 000!) количества посадочных мест в самолете, пугала и внушала доверие ко всей истории. Для теток, проживших все годы среди очередей и тотального дефицита, этот аспект, что на всех рая точно не хватит, казался наиболее убедительным.

Они и раньше нутром чуяли какой-то подвох в православии, некую недоговоренность и отсутствие конкретики. Теперь все встало на свои места — наша отечественная вера, как и все, произведенное на родине, оказалась полным хламом — не качественней наших телевизоров, ботинок и автомобилей. Досадно было, что снова пытались надуть — сперва с коммунизмом, а теперь, как выяснилось, и с царствием небесным.

В финале выступления, когда дышать уже было совершенно нечем от жаркого бабьего пота и вони паркетной мастики, Джошуа спускался в зал и раздавал желающим дешевые брошюры. Это акт назывался «донести жалящую весть». На желтоватой бумаге ясно и по-русски говорилось о том, что Бог уничтожит всех нераскаявшихся грешников. Не отправит в ад на вечные муки, с хоть и незначительной, но все-таки вероятностью на искупление, а просто сожжет огнем и серой. Как в крематории. Да, я забыла сказать главное — никакой бессмертной души нет. Единственный шанс спастись — это попасть в число помазанников Иеговы и быть воскрешенным для вечного счастья с Ним на небесах.

Мистер Локк не говорил по-русски абсолютно, поэтому нуждался в переводчице постоянно. Мама пыталась обучить его набору ходких и полезных фраз типа: «Здравствуйте, меня зовут Джошуа!» или «Люди, я принес вам благую весть». Но, видать, всемогущий Бог по таинственной причине обделил американца способностью к изучению чужих языков; единственное слово, которое он запомнил и научился произносить было «чемодан».

Вместе с мамой они ездили на какие-то переговоры и деловые встречи, а к февралю Джошуа и вовсе перебрался к нам на Таганку. Четыре комнаты пустуют, — оправдывалась мама и, розовея щеками, добавляла — к тому же он вдовец, и ничего тут предосудительного я не вижу. По утрам на заснеженном балконе Джошуа, голый по пояс, делал какие-то плавные упражнения, похожие на танец в тягучей воде; на правом его плече белел рваный шрам от вьетконговской шрапнели, а на крепком, как бильярдный шар, левом бицепсе синела выколота эмблема — парашют и две скрещенные сабли. В американской армии воздушный десант назывался изящно и романтично — «Летающая кавалерия».

Не успев наладиться, наша новая жизнь закончилась: «Свидетели Иеговы» были объявлены вражьей сектой, их деятельность признана вредной и подлежащей запрещению на территории Российской Федерации. Мистер Локк получил отказ в продлении визы, но, будучи мужчиной решительным, он успел расписаться с мамой. Ни свадьбы, ни церемонии не было — они заполнили какие-то бумажки в загсе рядом с Савеловским, в зале похожем на фойе советского кинотеатра. Мы бежали из Москвы, как из горящего дома.

Америка разочаровала меня.

Я не увидела стеклянных небоскребов, многоярусных автострад, роскошных лимузинов и убийственных красавиц.

Арканзас, заспанный и жаркий, с белой от солнца травой, жухлыми кустами мятых азалий и бессмысленно синим небом, неподвижным и мертвым, напомнил мне провинциальную Анапу, куда меня как-то сослали на все три смены в пионерский лагерь с обманчиво задорным названием «Салют».

Школа, низкорослая постройка, похожая на слепой барак из красного кирпича, сонные улицы, пустая площадь с высохшим фонтаном перед мэрией, несколько церквей с фанерными четырехгранными башнями и жестяными крестами.

У нашей церкви не было ни колокольни, ни креста (иеговисты не признавали распятие как символ веры), здание напоминало гигантский бревенчатый амбар, выкрашенный белой краской.

Много лет спустя, мне попал в руки толстенный трактат доктора философии Джерри Бергмана, где указывалось, что членство в организации «Свидетелей Иеговы» существенно увеличивает риск развития психических заболеваний, в том числе и таких тяжелых, как параноидальная шизофрения. Частота психических заболеваний среди «Свидетелей Иеговы» во много раз превышает средние показатели, поскольку «учение Сторожевой Башни и его субкультура существенно негативно влияет на психическое здоровье вовлеченных».

Это их книги. И вот еще: «Согласно этому исследованию, хотя люди, испытывающие психологические проблемы, более восприимчивы к пропаганде «Свидетелей Иеговы», вступление в организацию не только не решает эти проблемы, но способствует их усугублению».

Последняя фраза запомнилась навсегда, она была написана про мою бедную мать.

Наступили летние каникулы, как выяснилось, в Америке они тоже есть. Той весной я неожиданно вытянулась сразу на два дюйма, кофты стали тесны, запершись в ванной, я с изумлением разглядывала свою набухающую грудь, темные чужие соски.

Каждое утро мы с мамой отправлялись на какую-нибудь окраину и там, методично, один за другим, обходили все дома. Стучали в каждую дверь, пытаюсь донести благую весть.

Мать, в сером свитере, несмотря на жару, в длинной вдовьей юбке, тоже серой; на лице выражение тайного торжества, скрытого под тихой полуулыбкой. Короткая стрижка, бледная шея, никакой косметики. В руке сумка с брошюрами.

Открывают нам редко, еще реже пускаются в разговоры, за всю неделю нам удалось всучить лишь две брошюры.

Но это не повод для отчаяния, — говорит мать. — В этих сонных домах, за каждой дверью мужчины, женщины и дети, которым неведома Божья благодать. Спасти их — наша цель.

Спасти незнакомых людей, дать им шанс обрести рай. Рай! Мне самой поначалу наша миссия казалась смелой, благородной и милосердной. Постепенно, капля за каплей, эти чувства из меня вытекли и пустоту заполнил стыд.

Стыд за себя, за мать, за ее арестантскую стрижку, за мое черное платье, похожее на каторжную робу. Стыд, темный и густой, поднимался как тошнота. Стыд и отчаянье: почему я не могу быть такой же как мать — доброй, чистой, полной веры в Бога? Почему я не могу стать такой же открытой и щедрой. Безгрешной. И что делать с ядом зависти и с грязью похоти? С этими липкими снами, потными простынями, блуждающими горячими руками, алчущими лакомств — что делать с этим? Искушение плоти, так они называют этот грех, да и есть ли во мне вообще что-то чистое, и где она, эта чистота, эта святость? Почему я не могу отыскать ее? Или я вся состою из греха? Из порочных мыслей, желаний и снов. Даже сейчас, сейчас! — когда мы пытаемся спасти заблудшие души, похотливый зуд украдкой ползет по телу, наполняя пульсирующем жаром низ живота, стекая ниже, ниже...

Мать стучала в следующую дверь, я стояла за ее спиной и молила Бога остановить эту пытку. Щелкал замок, домохозяйка, сонная и мятая, вопросительным взглядом окидывала нас сверху вниз и обратно. На лице появлялась брезгливость, не дав матери договорить, она захлопывала дверь.

Иногда с нами разговаривали одинокие старики. Иногда пьяные. Эти ругались или издевались; грешники, гордые своими пороками, хвастливо выставляющие их напоказ. Мать доброжелательно улыбалась и тем и другим, а я не понимала, почему всемогущий Бог не хочет упростить нашу задачу. Ведь это же в его власти. Ведь Ему стоит только захотеть.

Следующий дом.

Мы обошли куст сирени; гроздь цветков, перезрелые, изнемогая от жажды, тяжело клонились к пыльной траве. Крыльцо в солнечных пятнах, скрипучие ступени, я остановилась на нижней, мать поднялась и постучала. Тишина, наполненная сладковатой вонью умирающей сирени. Томительная тишина, похожая на предчувствие зубной боли. Кажется, никого. Господи, сделай так, чтоб там никого не было. Господи, пожалуйста, ну что тебе стоит прекратить это унижение?

Бог не услышал, наверное, был занят: за дверью послышались шаги. Звякнула задвижка.

— Да? — мужчина распахнул дверь. Он улыбался, точно ждал нас.

— Мы принесли вам благую весть, — с уверенным оптимизмом проговорила мать.

— Отлично! — воодушевленно отозвался он.

— Да! — мать вытянула из сумки брошюру в рыжей обложке. — Благую весть о Божьей любви.

— Отлично! — повторил он. — Заходите!

В тесной прихожей было не развернуться, хозяин подтолкнул нас в сторону приоткрытой двери. Мы прошли в комнату. Горьковатый запах кофе перебивала кислая вонь окурков.

— Кофе хотите? — энергично спросил хозяин. — Кофе?

Он звонко хлопнул в ладоши и быстро потерял их. Шершавый нервный звук. Синие джинсы, грязноватая нательная майка, длинные пегие волосы были собраны в хвост, перетянутый васильковой резинкой. Сухощавый и загорелый до медной красноты, он напоминал копченую скумбрию, которой торговали в нашем московском продмаге. Золотистая рыба, с выпученными глазами. Хозяин хищно зыркнул на мать.

— Ну? Кофе?

— Нет, — ласково отказалась мама. — Кофе не надо.

— Боженька не велит?

Хозяин, как в тике, дернул головой и резко засмеялся. Он не был пьян, но что-то с ним явно было не так. Мать продолжала улыбаться.

— Ну хорошо, — согласилась она. — Давайте ваш кофе.

Он снова хлопнул в ладоши.

Мы застыли на пороге гостиной, в косых лучах плыл сизый табачный дым, немой телевизор показывал автогонки. На вытертом ковре темнела какая-то лужа. Среди разноцветного мусора, сползающего с журнального стола — пакеты с картофельными чипсами, газеты, мятые пивные банки, я заметила детскую куклу, голую, из розового пластика. Это была Барби, длинноногая, со вздернутым бюстом, невозможной талией и льняными волосами. С кухни донесся звон посуды.

— Тебя как зовут? — хозяин протянул мне фаянсовую кружку.

— Катерина, — произнесла я, картавя на американский манер.

— Ух ты! — обрадовался он. — Катерина! Как святую! Здорово — Святая Катерина! А про «Колесо Катерины» знаешь? Это тоже в ее честь.

— Что это?

— Это средневековая пытка. Инквизиция — слыхала? Тоже ваши ребята... Так вот, инквизиторы привязывали человека к колесу и железными палками били его до тех пор, пока не ломали все кости. Класс, да! Все кости к чертовой матери...

Он сипло засмеялся, потом закашлялся.

— Мы принесли благую весть... — мать повторила, она не знала, куда поставить кружку с кофе. — Благую весть о Божьей любви.

— Ух ты! Какой класс! А как насчет ада?

— Ада нет! — гордо заявила мать, точно операция по ликвидации ада проводилась под ее личным командованием.

— Вот как! А куда грешников девать будете, что для них?

— Ничего. Пустота. Черная бесконечность.

— Ничего?

— Ничего.

— Ни серы, ни пламени? Ни чертей с трезубцами?

Мама отрицательно покачала головой.

— Просто пустота... — задумчиво произнес хозяин, точно прикидывая что-то.

Мать кивнула.

— Пустота... А что, — он отхлебнул кофе. — Не так уж и плохо.

— Нет, плохо. Ведь альтернатива — вечное блаженство. Райская благодать рядом со всемогущим и милосердным Творцом вселенной. Это ли не счастье — вечная жизнь у Бога под крылом?

Она пристроила кружку на край старого буфета. Тут же, на клетчатом кухонном полотенце, лежало круглое зеркало, испачканное белой дрянью, вроде соды или пудры. Я сжимала свою кружку немymi пальцами, искоса поглядывая на хозяина.

— Значит, ада нет... — он запнулся, хмыкнув, хитро спросил. — А как же конец света?

— Грядет... — неопределенно ответила мать.

— Когда?

— Скоро. Все в руках Божьих.

— Я слышал, конец света обещал несколько лет назад, да что-то там не сложилось у вашего Бога.

— Иегова безгрешен. Люди совершают ошибки, люди неправильно интерпретируют божественные знаки. Так всегда было. Человек порочен по своей природе, он должен покаяться и заслужить любовь Бога. И тогда...

— Заслужить?! — сорвался на крик хозяин. — Я что ему — бобик? Жучка? Плясать на задних лапках? Любовь, мать твою, заслужить...

— Он нам дает шанс...

— Да пошел он со своим шансом! — хозяин грохнул кружкой о стол, брызги кофе полетели в стороны. — Если уж Богу так хочется, чтоб его любили, то почему бы ему первому не подать нам пример? Как там насчет расположения с его стороны? А? Чуть-чуть...

— Иегова милостив...

Хозяин подскочил к матери, та осеклась, отпрянула. Он ухватил ее за руку, толкнул к дивану. Мать, бледная, со сжатыми губами, боком, неуклюже плюхнулась на подушки.

— Что ты знаешь о милосердии?! — заорал он в лицо матери. — Ты — овца безмозглая! Божья корова! Что ты вообще знаешь о жизни? Кроме своих молитв да проповедей — что?!

Я перестала дышать. Кожу на затылке свело, точно кто-то одним резким движением закрутил мою голову, как воздушный шарик; от кислой горечи во рту меня чуть не вырвало. Кружка сама выскользнула из рук, мягко стукнулась о ковер. Хозяин даже не обернулся на звук. Его медный профиль с хищным белым глазом вплотную уткнулся в лицо матери.

— Милосердие, ты говоришь? Милосердие? — Он заговорил сипло, с тихой угрозой. — Любовь и доброта, да? А если тебе за эту доброту, за любовь эту, плюют в лицо? Да-да, в глаза плюют! Как тут быть, что тут делать прикажешь? Как такое понять можно, как объяснить? Вкалываешь, как каторжный... как собака — день и ночь! Все в дом тащишь... Хочешь то — пожалуйста, хочешь это — извольте!

Мать вжалась затылком в подушку дивана, лицо застыло, губы стали серыми. У меня всплыла мысль, что, наверное, надо выскочить, распахнуть дверь, позвать на помощь. Но я не смогла даже двинуться с места; ноги, руки, все тело казалось неживым, аморфным, точно мешок, набитый сырым песком.

— А потом... потом она находит какого-то... — он задохнулся от ярости. — Какого-то ублюдка, и с ним улепетывает в Калифорнию! С ублюдком! Сволочь! Сволочь, стерва, сука!! И дочь, дочь забирает!.. Дочь! Уезжает с этим недоноском, и дочь, понимаешь, ты, дочь...

Он рычал, орал, капелька слюны попала матери на щеку. Мать не двигалась. Хозяин вытянул жилистую шею, дернулся, как в конвульсии; раз, другой — точно заводной механизм внутри него дал сбой. Оглянулся, схватил зеркальце с буфета. Вытащил из кармана стеклянный пузырек, нервно цокая, вытряс на зеркальную поверхность белую пудру. Припав щекой, жадно втянул ноздрей порошок.

— А—а! — его будто ударило током, он вскинулся, выставив острый кадык.

Судорога прошла по его телу. Кинув зеркало на ковер, он сжал кулаки, белыми безумными глазами обвел комнату. Слепой взгляд скользнул по моему лицу, уткнулся в мать.

— Ага, вот она! Божья овца! Спасать мою душу пришла, значит? Душу мою бессмертную спасти!

Он с грохотом выдвинул из буфета ящик, не глядя, пошарил там. Достал пистолет, вороненый револьвер с коротким, точно обрубленным, стволом. Большим пальцем оттянул боек, внутри пистолета что-то мелодично клацнуло. Такой звук издает хорошо смазанный дверной замок.

Хозяин медленно наклонился к матери и упер ствол в середину ее лба.

— Значит, так... — произнес он неожиданно тихо, почти ласково. — Так, значит... Сейчас мы устроим твоему Богу экзамен. Экзамен на предмет любви и милосердия. Поглядим, как у него самого с этим делом...

Мать не шевелилась. Из-под ее бедра по диванной подушке стало расползаться мокрое пятно, край юбки потемнел, с него потекло по ногам, беззвучно закапало на ковер.

— Я так понимаю, тебе место под крылом божьим обеспечено, правильно? Отвечай, корова небесная! — он ткнул ее стволом в лоб. — Отвечай!

Он не кричал, говорил вкрадчиво, спокойно и от этого мне становилось еще страшней. Мать едва заметно кивнула.

— Чудесно, чудесно... План у нас будет простой: я тебя сейчас отправлю прямиком к твоему Господу, а ты его там уж постарайся уломать, чтоб он и меня пристроил куда-нибудь поуютней. В теплое местечко. Рай мне без надобности, можно что-то и попроще — плацкарта тоже подойдет, я не гордый. Обойдусь без класса люкс...

Он плавно подался назад, продолжая держать мать на прицеле. На ее лбу осталась аккуратная красная окружность, похожая на бинди, которые рисуют себе индийские женщины.

— Ты давай, начинай, — хозяин покрутил стволом пистолета, точно приглашая. — Молись-молись.

Мать беззвучно что-то зашептала. Опустила веки.

— Смотреть! — внезапно заорал он. — В глаза мне смотреть!!

Я от крика дернулась, хозяин, точно хищник, отреагировал на движение, резко повернулся ко мне.

— Подойди! — рявкнул он. — Ближе! Еще ближе!

Я подошла почти вплотную. От него разило потом и куревом. Еще пахло машинным маслом от револьвера. Этот запах теплого металла и ружейной смазки, запах хорошо смазанной механической смерти, показался мне странно знакомым. Запахи обладают почти мистической способностью оживлять какие-то тайные, напрочь забытые события, воскрешать туманные ассоциации и параллели. Моя память вдруг вспыхнула, ожила, попыталась нащупать и вытянуть эту звонкую нить из темноты.

— Пожалуйста, не трогай ее, — едва слышно пробормотала мать. — Пожалуйста, не надо...

Она некрасиво скривила рот, покачиваясь, подалась вперед и беззвучно зарыдала. Нет, не беззвучно — из ее груди донесся странный и протяжный звук, похожий на скрип. Или на писк, будто, это воздух выходил из пропоротой резиновой шины.

Дальнейшие события отпечатались в моей памяти с потрясающей дотошностью, мне трудно найти объяснение, но это так.

Хозяин левой рукой взял меня за подбородок, точно оценивая товар. Поразили его огромные зрачки, черные. Совсем не человеческие глаза. Удивительным образом, словно вбирая в себя все сразу, я видела одновременно и блестящий, будто покрытый алым лаком, узкий нос, и пегую щетину на подбородке, шрам, наверное, от бритвы, и клеймо на револьвере «MadeinItaly», и голую куклу на столе среди объедков и сигаретных окурков. И мятый лист бумаги с детским рисунком — круглолицая принцесса на тонких ногах и подписью «Мелисса» печатными буквами. Все это, плюс мою мертвенно-бедную мать, застывшую на сырой подушке.

Он опустил руку, вжикнула молния.

— На колени! — тихо приказал он мне.

Я не двинулась, старалась не смотреть вниз, но все равно увидела эту румяную мерзость, жилистую и лоснящуюся, похожую на скользкую новорожденную рептилию. Вдруг до меня дошло — вот оно, наказание за сладострастные сны, за похотливые мечтания! Кара за греховное рукоблудие, за мои ночные пакости! Да, да! Возмездие божье! Про то и в Библии написано, и в церкви талдычат каждый день. Тайное станет явным и каждому воздастся по заслугам. По заслугам!

— На колени... — повторил он и крепко сжал мое запястье.

Не пальцы — клещи, он сдавил руку и начал клонить меня к полу.

Смертный грех, да, один из семи.

Блуд! От Господа не утаишь, Он все видит, видит насквозь — меня, порочную, грязную. Видит мои мысли и сны. Я вся состою из греха! Из похоти! Господи, ну почему у меня не получается быть чистой? Помоги мне? Что я делаю не так? И почему Ты, Господи, не хочешь мне помочь стать безгрешной? Почему? Ведь они уверяют, что Ты любишь всех? Всех! И таких, как я тоже!

Он толкнул меня.

Я грохнулась на колени. Розовая рептилия, безобразно вздувшаяся, подалась к моим губам. Я отшатнулась, увидела лицо матери, мокрое от слез, застывшее в беззвучном вое,

— Господи, ее то за что? Ведь так нельзя, Господи!

— Молись, божья корова! — хозяин направил пистолет в лоб матери. — А ты, малявка...

Он брезгливо посмотрел на меня, посмотрел сверху вниз. Именно в этот момент что-то произошло, будто кто-то щелкнул выключателем в моей голове. Страх исчез. Раз — и нету! Исчезло отчаянье, пропали мысли. Эту пустоту моментально заполнила упругая энергия.словно в мое вакантное тело вселился кто-то решительный, беспощадный и хитрый. Дьявольски хитрый.

Я подняла глаза.

— Папа... — проговорила тихо, почти шепотом. — Папа, это я — Мелисса...

Хозяин ошалело замер.

— Папа... — повторила я.

На его лице удивление сменилось растерянностью, которая превратилась в испуг. Испуг перешел в ужас.

— Мелисса, — выдохнул он.

— Что ты делаешь, — прошептала я. — Папа...

Он попятился, неуверенно, точно пьяный. Лицо напоминало терракотовую ацтекскую маску. Маску ужаса.

— Папа, что ты натворил?

— Да... да, — пробормотал он, словно просыпаясь. — Я сейчас, дочка... Сейчас.

Он раскрыл рот, будто зевая, сунул туда ствол и нажал курок.

Выстрел — грохот и одновременно хлюпающий звук, звук, который я и сейчас могу проиграть в моей памяти, точно магнитофонную запись. Его затылок, разлетающийся кровавым фейерверком по потолку и стене, картина, которая мне снилась почти каждую ночь на протяжении нескольких месяцев.

В те дни я не спрашивала себя — кто помог мне, что заотважная энергия вселилась в меня и спасла нас от смерти. Никому об этом не рассказывала. Даже полиции. Впрочем, они не очень интересовались подробностями, им и так все было ясно. Наверняка наши прихожане разглядели бы в чудесном избавлении божье участие — ну кто, кроме всемогущего Иеговы, мог так логично и остроумно наказать грешника и спасти праведников. Только Он!

У меня, если честно, такой уверенности не было. Мама так никогда и не оправилась.

Ее положили в клинику, врачи поставили диагноз — посттравматический синдром. Думаю, все было гораздо хуже, беда началась раньше, еще в Москве. Наша жуткая история просто добила ее. В больнице маму кололи всякой дрянью — транквилизаторами и антидепрессантами, от которых она все время спала, а когда бодрствовала, то никого не узнавала. Меня иногда называла Мелиссой.

От церкви меня тошнило, в вечерних проповедях Джошуа непременно, но как бы мимоходом, упоминал о «сестре нашей Софии, нуждающейся в наших молитвах».

— Отец небесный, с воплем крепким и плачем горьким обращаемся к Тебе: не помяни наших беззаконий и неправд, но яви милосердие свое.

— Яви милосердие свое, — толпа послушно повторяла за ним.

Смирение паствы, кротость моего отчима граничило с кретинизмом и бесило меня, в их религиозной благодати я видела лишь лицемерие и ханжество. Их Иегова стал моим личным врагом. Кого еще я могла винить в нашей беде? Из-за него, из-за их Бога, я очутилась в этой чертовой Америке, из-за него мы с мамой оказались на той проклятой окраине. И это факт!

После того, как я пламенно выложила свои факты отчиму, он перестал разговаривать со мной.

В начале августа я убежала из дома.

Калифорния. Я ничего о ней не знала, мне нравилось звучание слова — Калифорния. По-московски протяжное «а», леденцовое «ли», бархатистое «фо». Еще мне казалось очень важным иметь какую-то цель, а не просто бежать в никуда.

Из дома я украла двести пятнадцать долларов, все, что нашла в жестяной коробке из-под миндального печенья у матери в спальне. До побережья Тихого океана я добралась в

конце ноября. Дальше бежать было некуда, дорога уперлась перпендикуляром в бетонный пирс, передо мной лежала бескрайняя водная даль.

Океан я увидела ночью — черная ворчащая пустыня с дорожкой от луны, блестящей, будто кто-то рассыпал там бутылочные осколки. Город Сан-Франциско уже вовсю начали наряжать к Рождеству пестрыми гирляндами, слюдяными ангелами с длинными золотыми трубами и венками из фальшивой хвои, увитыми багровыми лентами.

Попрямой от Арканзаса до Калифорнии полторы тысячи миль, на самолете из Литл-Рока в Сан-Франциско можно добраться за три часа, мое путешествие заняло почти четыре месяца. Я пересекла границы шести штатов. В Аризоне отбивалась камнями от койотов, в пустыне Нью-Мексико чуть не провалилась в гнездо к гремучим змеям. Где-то на полустанке в штате Юта была атакована сворой бродячих собак.

Люди вели себя не лучше: в Денвере, штат Колорадо, меня пытался изнасиловать старик-священник, пустивший переночевать в церковный сарай. Это случилось в октябре, к тому времени я уже носила бритву, пользоваться которой меня научила Карла, одноглазая мексиканка, торговавшая наркотой на железнодорожной станции в Лонгвилле.

Стоя на площадке последнего вагона товарного поезда, уходящего в Сан-Диего, я наблюдала как красные огни семафоров переключаются на зеленые и плавно-плавно уплывают в фиолетовую ночь. Да, рубины и изумруды — эти бескорыстные самоцветы моих нелепых странствий, к тому времени у меня осталось двадцать семь долларов, я ощущала себя абсолютно свободной и совершенно никому не нужной во всем мироздании.

Канзас разочаровал: штат состоял из кукурузных полей, пыльных дорог, разбитых грузовиков с похотливыми фермерами; совершенно непонятно, какого черта с такой страстью в эту дыру рвалась Элли из комфортного Изумрудного города.

Северная Калифорния зимой туманна и тиха. Сан-Франциско похож на сон, на мираж; знаменитый мост через залив плывет в молочном мареве, воды не видно, гигантские опоры тонут в ленивых облаках. Мокрое время течет едва-едва, иногда почти замирая. Крыши домов тускло сияют, будто их только покрасили, зелень листьев похожа на лак, ветку кипариса хочется тронуть раскрытой ладонью. Пахнет мандариновыми корками, пахнет детством. От всего этого хочется плакать.

Невесомая, с прозрачной головой и пустым сердцем, я бродила по мерцающей брусчатке призрачных улиц, прикидываясь то желтыми огнями чужих окон, то дальним гудком рыбацьею шаланды.

От меня не осталось ничего, лишь скорлупа, лишь оболочка. Я пыталась заполнить пустоту, пыталась вобрать в себя чужую жизнь — туман, ночь, камни мостовой — что угодно. Ведь не может человек жить, если внутри у него пусто. Ночевала на пляже, кутаясь в стеганое одеяло (да, я его украла).

То ли во сне, то ли наяву из океана выползал туман, дремотно растекался по черной, как крышка рояля, водной глади залива. В сизом мареве тонул остров Алякатрас, исчезло здание тюрьмы, мутнел и умирал глаз маяка. Из непроглядной мглы теперь доносился звон колокола, унылый и глухой, похожий на звук мокрой якорной цепи.

Меня подобрала компания лесбиянок.

Четыре девицы, плюс задорный кобель неясной масти и сомнительной породы по кличке Калигула. Девицы направлялись в Биг-Сур, самое красивое место на нашей поганой планете, как заявила Рэй-Рэй, пригожая, как молодой матадор, мулатка. Ее смуглое тело, до самой шеи покрытое узорами замысловатой татуировки, казалось отлитым из звонкого упругого металла. Когда она, голая и мокрая, с шестифутовой доской для серфинга, выходила из океана, на меня накатывала меланхолия за мою непоколебимо упрямую сексуальную ориентацию.

Мы покинули флегматичный Сан-Франциско до рассвета, фонари сонно пялились в чернильные лужи на черном асфальт, по пустым дорогам на дикой скорости с какой-то тупой обреченностью гнали редкие машины. Наш дряхлый мини-автобус, проплутав по окраинным улочкам, крутым, как американские горки, наконец вырулил на шоссе номер один. Дорога вытянулась в струну и понеслась на юг.

Рэй-Рэй, беспечно придерживая баранку одной рукой, в другой — сигарета, чтобы стряхнуть пепел, она просто выставляла окурок в окно. Она слушала мою историю не перебивая, лишь изредка бросала пристальный взгляд, точно проверяя, не заливаю ли я. Тихо бубнил приемник, девчонки сзади спали, Калигула с кем-то ругался во сне, ворча и похрапывая.

Я, зажав ладони между колен, смотрела на мелькающие справа пузатые бетонные столбы и говорила, говорила. Рассказывала про Москву, про дачу в Снегирях, про то, как мы с дедом ушли кататься на лыжах в лес и заблудились. Как дед учил меня стрелять из своего именного нагана. Рассказывала, как пахнет декабрьский вечер, когда тихий снег падает, а звуки становятся мягкими, будто ватными.

Рассказала про мать, про Арканзас. Про тот день.

— Вот ведь гадость! — Рэй-Рэй зло сплюнула в окно. — Мразь!

— Кто?

— Мужики! — она воткнула окурок в банку из-под колы, внутри зашипело, и из дырки выпорхнула сизая струйка дыма. — Мерзавцы и подонки! Закомплексованные ублюдки! Все горести мира от их ущербности, от их убожества. Недаром первого мужика Бог слепил из грязи!

— Из глины...

— Грязь по сути, мразь по содержанию. Скрюченный стручок в портках вместо мозга. Весь их мир крутится вокруг стручка — амбиции, драки, войны! Каждый подпрыгивает, орет — у меня, у меня длиннее! Фрейд прав на сто процентов, но только касательно мужчин. Мы, женщины, устроены гораздо сложнее.

Дорога стала сужаться, полезла вверх. Покатые холмы, невинно украшенные апельсиновыми рощами, вдруг вздыбились и превратились в настоящие скалы. Дорога запетляла, начался настоящий горный серпантин.

Рэй-Рэй снова закуривала, закусив сигарету и щурясь от дыма, врубала пониженную передачу. С плотоядным удовольствием топила педаль газа. Мотор надсадно рычал. Рэй-Рэй упрямо давила педаль в самый пол. Казалось, еще чуть-чуть и мы взлетим.

Теперь мы гнали по карнизу, слева отвесной стеной подступал дикий, весь в рубцах, шрамах и металлических блестках, гранит, справа зияла бездонная пропасть. Нет, не бездонная — далеко внизу синел океан. Он растекался бесконечной равниной, живой и пульсирующей; океан дышал. Его первобытное величие пугало, мне отчетливо было видно, как в лазорево-туманной дали закругляется горизонт.

Я открыла окно. В прокуренный салон ворвался сырой дух моря, густой и соленый. Высунув голову, я зажмурилась. Под нами, далеко внизу, как дальняя канонада, гремел могучий прибор. Холодный ветер пополам с горьким запахом можжевельника и цветущего розмарина бил в лицо.

Кто знает, может, еще не все потеряно. Может, еще осталась надежда.

— Гляди! — Рэй-Рэй ткнула рукой в открытое окно. — Киты!

Далеко-далеко, у самого горизонта, где ртутная гладь воды перетекала в перламутровую дымку неба, я различила какое-то движение, потом увидела два серых холма. Две спины. Перекатываясь, то появляясь, то исчезая, они двигались на север, в сторону Сан-Франциско. Рэй-Рэй притормозила, съехала на обочину, нависшую над пропастью. Заглушила мотор.

— Слушай... — прошептала она.

Сперва я не услышала ничего, кроме мощного дыхания прибоя — вдох, выдох, пауза. Вдох, выдох, пауза.

— Слышишь?

К гулу океана добавился осторожный стрекот кузнечика, чирикание невидимых птиц.

— Ну? — она шепнула мне в ухо.

Тут я не только услышала, я увидела.

Один из китов, тот, что плыл первым, послал в небо серебристый фонтан воды, и до нас докатился низкий протяжный звук. Властный — словно сам Бог дунул в гигантскую басовую трубу. К нему добавился второй голос, выше. Этот напоминал гудок океанского корабля. Два голоса сплелись в величественный дуэт, я застыла, боясь пошевелиться, точно могла помешать гигантам выдуть свои мелодии. Киты плыли на север, киты пели. У меня отчего-то сжалось горло, я тайком вытерла кулаком щеку.

Мы долго ехали молча. Дорога карабкалась все выше и выше. Рэй-Рэй выжимала газ и уверенно входила в поворот. Наш автобус, алчно проглатывая виражи серпантина, несясь по самому краю. От бездны нас отделяла полоска пыльной травы, чахлые кусты можже-

вельника да редкие бетонные столбы. Мы пронеслись сквозь черноту гулких туннелей, пролетали, едва касаясь асфальта, по ажурным виадукам, растянутым точно паутина над бездонными ущельями.

Солнце выползло из-за горы, лучи осветили океан, по поверхности пролегли полосы разных оттенков синего — от нежной бирюзы до глубокого ультрамарина. У самого горизонта звонко вспыхнула жилка расплавленного серебра. За этой ослепительной полосой океан таял и незаметно превращался в небо.

Неожиданно Рэй-Рэй начала говорить. Тихо, точно сама с собой.

— Жила на свете девчонка. Звали ее... — она запнулась. — Звали ее Рэй-Рэй... Или Катя. Это не так важно. Каждую девчонку как-нибудь зовут, правда? Ведь дело тут не в имени, а том, что каждая девчонка рождается с хрупким сердцем. Это сердце так легко расколоть и нет такого клея, который бы мог склеить осколки. Да и что это за жизнь, когда вместо живого сердца у тебя в груди колючий мусор? Жизнь нашей девчонки не задалась с самого начала, такое тоже часто случается: родители не понимали дочь, учителя пытались выдрессировать ее в цирковую мартышку, глупые соседские дети потешались над ней, обзывали гордячкой и недотрогой. Девчонка плакала, она убегала в лес или бродила по берегу реки, обдумывая разные способы самоубийства — ты себе не представляешь, сколько детей решаются на это в нашем гнусном мире.

Рэй-Рэй щелкнула ногтем по пачке сигарет и губами вытянула одну. Она курила, как паровоз.

— Как-то в лесной чаще она наткнулась на хижину. Жилище казалось заброшенным, трава была по пояс, из травы торчали красные шляпки огромных мухоморов. Папоротники и лопухи доставали до самой крыши, да и крыша поросла диким мхом, но из трубы вился белый дымок. Девочка открыла дверь и увидела...

— Страшную ведьму с острыми клыками! — засмеялась я. — И по полу раскиданы черепа и человечесьи кости, так?

— Нет, не так, — Рэй-Рэй чиркнула зажигалкой. — Что за садизм? Это что — национальная русская черта? Славянский экстаз?

Она со вкусом затянулась.

— Нет, в хижине жила не ведьма, а колдунья — старая и мудрая. И добрая. Без каннибальских наклонностей.

— Скучно-то как...

— Это не триллер, детка, — она покачала головой и продолжила. — Разумеется, колдунья, как только взглянула на девочку, так сразу поняла все горести и печали...

— И подарила ей волшебную палочку! — перебила я. — И девчонка тут же превратила учителей в жаб, а соседских детей в крыс...

— Господи! Заткнись и слушай!

Я смиренно, в молитвенном жесте сложила ладони.

— Колдунья поставила на огонь три котла. Во все три налила воды. В первый положила картофель, во второй — яйца, в третий кинула зерна кофе. Вода закипела, старуха и девочка сели на скамейку. Сидели и молча смотрели на огонь, на бурлящую воду. А через двадцать минут колдунья погасила огонь и сказала: «Слушай, смотри и запоминай! Картошка, яйца и кофе — такие разные, совсем как мы — люди. Картошка — твердая, яйца хрупкие, кофе сыпучий. Мы подвергли их одному и тому же испытанию. Огонь и кипящая вода похожи на жизнь — горячую и бурлящую, на невзгоды, которые выпадают нам. Но посмотри, насколько разный итог: картошка, до этого была тверда, как камень, а стала податливой и мягкой; беззащитное яйцо приобрело крутую упругость; а кофейные зерна изменили свое окружение, превратив воду в кофе».

Колдунья налила ароматный кофе в глиняные кружки, одну протянула девочке. «То же самое происходит и с нами, с людьми. Мы не можем не меняться, когда жизнь бурлит вокруг, как кипяток. Но как меняешься ты? — превращаешься в рыхлую картошку или становишься крутым, как яйцо? Или, подобно кофейным зернам, делаешь из воды кофе? Меняешь жизнь вокруг себя».

Рэй-Рэй замолчала, я тоже уставилась на дорогу. Я не картошка и уж точно не кофе, наверное, яйцо. Но не совсем уж крутое — в мешочек. А иногда все-таки картошка.

Вермонт 2018

ском музее (Санкт-Петербург).

Валерий Бочков — русский прозаик, автор одиннадцати книг, лауреат «Русской Премии» за роман «К югу от Вирджинии» (2014). Роман «Харон» стал победителем премии имени Эрнеста Хемингуэя (2016). Сборник рассказов «Брайтон Блюз» получил звание «Книга года» немецкого издательства «Za-Za Verlag» (2013). Роман «Латгальский крест» стал финалистом премии имени Николая Гоголя (2019). Родился в Латвии в семье военного летчика. Вырос в Москве, на Таганке. С 2000 года живет и работает в США. Профессиональный художник, более десяти персональных выставок в Европе и США. Дважды приглашался на Эдинбургский фестиваль искусств с персональными экспозициями. В 2018 году участвовал в выставке современного русского искусства в Германии (музей искусств г. Хаген) и в 2019 году в Рус-

Елена Кушнерова: ЭМИГРАЦИЯ

(Из книги «Песни странствующего подмастерья», ArcusNY, 2018)

Тема, которой я не касалась все эти годы, но которая преследовала меня с назойливым постоянством в многочисленных попадавшихся мне мемуарах и всяческого рода воспоминаниях — тема эмиграции.

Не затрагивала я этой темы по многим причинам. Вначале, когда было столько событий и мыслей, что только и успевай записывать (получился бы вполне сюрной роман), писать не могла. Во-первых, было совершенно не до того — надо было активно учить новый язык, заниматься на рояле, которого, понятно, в лагере для беженцев не было, и я ходила заниматься в соседнюю деревню, заботиться о Мариночке, которая никак не хотела понять, зачем мы здесь, в этих ужасных условиях, бороться с постоянными болезнями, а ещё — решать 1000 мелких новых проблем, которые сыпались на голову быстрее, чем их можно было каким-то образом уладить. А во-вторых, мне казалось, что все должно уложиться в голове, чувства должны несколько остыть, чтобы можно было начать записывать. Идеально было бы начать записывать через пару лет после событий.

Но сложилось так, что когда жизнь начала налаживаться, я об этом вообще перестала думать. Когда мы, наконец, из лагеря для беженцев переехали в 3-комнатную, по нашим понятиям, шикарную квартиру, то есть, когда самый тяжёлый период оказался позади, у меня началась какая-то тупая депрессия. Мне говорили, что это нормально. Ты начинаешь осознавать, ЧТО ты пережил и как ты выжил, начинается новый жизненный этап, и организм таким образом реагирует на пережитый стресс, в экстремальной ситуации подавляемый.

Странно устроен человек! Когда жизнь тяжёлая, когда каждый день — борьба, он борется, активизируются какие-то внутренние ресурсы, и каждодневные проблемы просто решаются в порядке их поступления. Как только жизнь становится налаженной, цивилизованной и — да, достаточно лёгкой по сравнению с жизнью абсолютного большинства — люди начинают болеть депрессией. Известно же, что депрессия очень распространена именно в наиболее благополучных странах. Но это так, размышление по поводу.

С тех пор прошло почти 25 лет. На тему эмиграции написана такая куча разнообразного по качеству материала, что вливаться в эту могучую реку, несущуюся через буреломы, леса, моря и океаны, через все страны, куда вытолкнула нас, бывших советских людей, наша бывшая родина, казалось бы, тоже как-то überflüßig²...

² überflüßig (нем.) — чрезмерный, ненужный.

Перед эмиграцией — с дочкой Мариной и мужем Дмитрием Гараниным. Москва, 1991

С другой же стороны, выезжали мы, эмигранты так называемой третьей или даже четвертой волны эмиграции, в разные страны и в разные годы, так что впечатления, да и сами события, сильно различались. К тому же, как мы знаем, даже одно и то же событие, описанное разными людьми, выглядит по-разному. Может быть, записать то, что я ещё помню, пока всё это не стёрлось из памяти и не кануло в Лету! Добавлю-ка и я к этому эмигрантскому хору свои две копейки! Как любит говорить один мой друг из Берлина: «Das ist legitim»³.

Ещё одним импульсом к написанию этих записок было то, что воспоминания эмигрантов, переселившихся в Израиль и Америку, существуют в огромных количествах, а вот мемуары от припозднившихся, так называемых «контингентных беженцев», к которым относится и ваша покорная слуга, мне на глаза не попадались. Если, конечно, не считать блестящих книг Владимира Каминера на немецком языке, ставших в Германии бестселлерами!

Эмиграция в Америку, которая шла через Вену и через Рим, давала бесценный материал для пишущего люда, недостатка в котором среди еврейских переселенцев не было.

Наша же эмиграция, в Германию, была делом новым, так сказать, неизведанным, и мы были первыми, кто решился это новое поле... «разминировать». Но сначала, почему Германия? Этот вопрос мне задавали все немцы, как только я начала лопотать на этом новом для меня языке, этот же вопрос мне задают в Америке и в России, да и в других странах до сих пор. Короткий ответ: уехала я не «сюда», а «оттуда».

Здесь же объясню все «от печки».

³ Das ist legitim (нем.) — это вполне законно.

В 90-м году прошлого века захлопнула свои широкие гостеприимные объятия страна эмигрантов — Америка, ограничившись исключительно приёмом евреев, имевших в Америке близких родственников. Так как близких родственников у нас там не было (а была троюродная родня, которую было неохота собой обременять), мы, как и все, желающие покинуть бывшую супердержаву, начали искать других путей.

Таковых официальных путей было, не считая отвалившейся Америки, три.

Первый и как бы понятный путь — Израиль. Постараюсь объяснить, почему мы не поехали в Израиль.

В 1990 году я впервые побывала в Израиле. Неожиданно нашлись наши «пропавшие без вести» родственники — сестра моей бабушки (по папиной линии) и её муж.

Бабушкина сестра Нюта оказалась дальновиднее своей родственницы и уехала из вновь сформировавшейся коммунистической страны ещё в 1925 году, как раз после рождения моего отца. Она была умной женщиной и быстро поняла, что к чему. Уехала она в Германию, где встретила своего будущего мужа Бориса, эмигрировавшего из Петрограда аж в 1918 году! В одном из разговоров с дядей Борей (во время моего визита в Иерусалим в апреле 1990 года), я спросила, как ему удалось так быстро понять, что из России надо бежать? Его ответ был очень прост: «А что там было понимать? Какие-то бандиты пришли к власти, мне это все сразу не понравилось, и я понял, что ничего хорошего из этого не получится». Дядя Боря родился в Риге, его родным языком был немецкий, поэтому он и уехал в Германию. Там он завершил своё образование, начавшееся было в Петрограде, познакомился с моей тёткой, и они поженились.

Оба были образованными людьми, оба работали и жили вполне счастливо, хотя детей им Б-г не дал. (К тому времени, когда я с ними познакомилась, они были женаты более 50 лет.) Когда в 1933 году в Германии к власти пришли национал-социалисты, тётя Нюта своим безупречным нюхом сразу почувствовала «запах серы». Она пыталась уговорить мужа бежать из Германии, ставшей их второй родиной, но дядя Боря был непреклонен. Аргументы всем хорошо известны: немцы — люди культурные, и какие мы евреи, мы — полноправные граждане... Его теория, как мы хорошо знаем, не подтвердилась. В 1935 году за дядей Борей пришли. Он попал в тюрьму. Но и тут ум и смекалка моей тёти помогли! Как она сама рассказывала, у неё на работе все к ней очень хорошо относились, и один из её начальников, по её описанию, «очень милый и хороший человек, он был наци» помог выволить мужа из тюрьмы за выкуп и под расписку, нужно было только два раза в неделю отмечаться в полиции... Тут, к счастью, здравый смысл дяди Бори победил его любовь к Германии, и они, бросив всё, ночью бежали сначала в Швейцарию, а потом дальше, в Палестину.

Не знаю точно, в какие годы и откуда (из Германии или уже из Палестины) тетя Нюта хотела восстановить контакт со своей сестрой, пыталась найти её через Красный Крест, но моя бабушка, всю жизнь всего боявшаяся, не захотела портить жизнь своему сыну. Как известно, при советской власти иметь родственников за границей было небезопасно. И бедная моя бабушка Маня была вынуждена отказаться от сестры, сказав работникам Красного Креста, что «не знает эту женщину» ...

Когда настали горбачёвские Гласность и Перестройка, мой папа начал через многочисленных знакомых, уехавших в Израиль, искать Нюту. Его попытки не увенчались успехом. И только после его смерти, году в 1989 или в 1990, мы получили весть из Израиля, что Нюта с Борей живы, живут в Иерусалиме и что они очень хотят познакомиться с семьей «Манечки» (моей бабушки).

И вот я поехала в Израиль к моим стареньким родственникам. Это была потрясающая встреча! Два очаровательных старичка (в сопровождении своего молодого друга, который вёл машину) приехали из Иерусалима в Тель-Авив встречать свою внучатую племянницу.

Теперь немного о моих неожиданно обретённых родственниках.

Это была невероятно трогательная пара. Детей у них не было, поэтому всю жизнь они заботились только друг о друге. В их квартире в Иерусалиме у дяди Бори была огромная библиотека на разных языках. Тетя Нюта, по-видимому, всегда была модницей и в свои почти 90 лет изысканно одевалась, носила украшения и разнообразные шляпки. Она всё ещё сама вела хозяйство: готовила, подавала на стол. У моих дяди и тёти был интересный круг общения, в основном — репатрианты из Германии, а также из Риги, родного города дяди Бори. Израильскую жару мои тетя и дядя переносили плохо, поэтому на все лето уезжали в Швейцарию. Меня поразило, что вплоть до 1990 года, когда я с ним познакомилась, дядя Боря испытывал ностальгию по Германии, но и Израиль он очень любил.

Меня они встретили очень тепло. Расспрашивали о бабушке Мане, которая ещё была жива, о моих папе и маме, о моём муже Диме и дочке Мариночке. Конечно, они не могли со мной гулять и показывать город, а отпускать меня гулять одну — боялись: «Это же Иерусалим! Ты не можешь идти гулять одна! Что? Старый город? Это же очень опасно!»

Только там осознала, как бестактно было с моей стороны приехать к ним на целый месяц!

Дядя Боря выходил, как мог, из положения — отправлял меня в поездки по Израилю, показал мне Иерусалимскую консерваторию, просил знакомых со мной гулять. Среди них была молодая дочь друга дяди Бори, того самого, который встречал меня в Тель-Авиве.

Мы с ней сразу подружились. И она пригласила меня пожить у неё, чтобы не обременять тётю Нюту. Я сразу согласилась. Мне показалось, что мои старички вздохнули с облегчением, хотя и были мне искренне рады. Естественно, я к ним приезжала и говорила с ними почти ежедневно по телефону...

Израиль произвел на меня сильнейшее впечатление! Особенно меня поразило количество зелени — садов, парков и лесов. На фоне белого иерусалимского камня и ослепительного солнца это было очень красиво.

Сразу стала «примерять» Израиль на себя и, в первую очередь, конечно, интересоваться, какие шансы на работу были бы у моего мужа-физика. Ответ был примерно такой: Израиль — страна маленькая, на академическую работу пусть не рассчитывает. Ну а мне, музыканту, в профессиональном плане вообще ничего не светило. Музыкантов в Израиле на душу населения был явный перебор, особенно увеличилось их число за счет иммигрантов из Советского Союза. Каждый, кто слышал, что я пианистка из Москвы, рассказывал один и тот же несмешной для меня анекдот: «Когда прилетает самолет в Бен Гурион из России, люди со скрипичными футлярами в руках — скрипачи, а без них — пианисты». После чего все весело смеялись, прозрачно намекая, что в Израиле мне делать нечего. Таким образом, Израиль отпал.

Кроме Израиля, оставались реальными вариантами ещё Канада и Австралия. (Тогда мы были ещё не в курсе, что евреев из бывшего Союза принимали практически все страны Европы. Но принимали тихо, без шума. Надо было сначала туда как-то попасть и потом уже, так сказать, явочным путём, стараться легализоваться). Мы предприняли попытки заслать свои документы в оба посольства. И Канада, и Австралия были готовы нас принять, но только в качестве мигрантов. То есть нас брали не по причине нашей национальности, со всеми прилагающимися к статусу бонусами, а просто как подходящих по возрасту и образованию молодых людей. Причём Австралия охотно принимала молодых людей с маленькими детьми. А для иммиграции в Канаду, кроме всего прочего, мы должны были иметь, по-моему, порядка 10000 канадских долларов на человека. Таких денег у нас, конечно, не было. Но не это было основной проблемой. Настоящей проблемой было то, что как мигранты мы не могли взять с собой родителей. Только в случае удачной абсорбции и наличия хорошей работы, мы могли позже думать о воссоединении семей и привезти наших мам, если бы у нас хватило денег их содержать. Моя мама была готова нас отпустить, чтобы присоединиться к нам позже. Хотя такой вариант был для меня неприемлем, мы все-таки начали примерять вышеупомянутые страны к себе. Недолго поразмыслив, мы решили, что Австралия — это, конечно, хорошо, кенгуру и прочие преимущества, но всё же больно далеко от «старого мира», по которому, я была уверена, буду ужасно тосковать. Канада — тоже не очень близкий свет, и, даже не зная о стране всего

того, что я знаю о ней сейчас, я понимала, что с хоккеем в стране дело обстоит отлично, а вот с классической музыкой... Ничего, кроме конкурса в Монреале и Гленна Гюльда, мне известно не было. Но главным, конечно, оставался тот аргумент, что мы должны оставить в России 90-х годов наших мам, а это мне совсем не нравилось!

Слишком хорошо помнила я историю моей бабушки по папиной линии, которая всю жизнь себя кляла, что, убегая из Киева от фашистов, оставила там свою маму, внезапно отказавшуюся эвакуироваться. Не хотелось ей оставлять родной город, любимую квартиру на Крещатике, да и немцы-де — люди культурные...

«Вы поезжайте, — говорила она моей бабушке, — а я к вам позже присоединюсь.»

Моя прабабушка закончила свою жизнь в Бабьем Яру...

(В 1990 году её имя я вписала в лист погибших евреев в музее-мемориале Яд Вашем в Иерусалиме.)

Одной такой истории в семье достаточно, чтобы не повторять ту же ошибку. Конечно, можно сказать, что постсоветская Россия не фашистская Германия, оно, конечно, так, но хочу напомнить о России начала 90-х, прозванных позже «лихими»: и об обществе «Память», и о марширующих молодчиках в чёрных одеждах и в сапогах, и об антисемитской манифестации около Останкино, буквально в нескольких километрах от нашего дома, и станет понятно, что особой охоты думать и гадать, как оно там все будет складываться, у меня не было. Между прочим, в связи с этими событиями, в прихожей моей московской квартиры, прямо на вешалке, наверху, куда кладут шапки, лежал топор — сдаваться без боя я не собиралась.

После такого внушительного вступления, пора приступить непосредственно к теме.

Почему я решилась на такой серьёзный шаг. Этот вопрос мне часто задавали в Германии.

В 1989 году я окончила аспирантуру Московской консерватории, то есть образование мое было завершено. Ранее, в предыдущих моих записках, я уже писала о борьбе за эту самую аспирантуру. Боролась я за неё по одной простой причине: чтобы преподавать в Московской консерватории, это было необходимо. Лелеяла ли я надежду, что меня возьмут преподавать в Консу? Нет, скорее, понимала, что не возьмут, но мне не хотелось, чтобы отказ был по причине недостатка квалификации.

Теперь моя квалификация полностью соответствовала требованиям. Что дальше? Ничего. Никаких перспектив, кроме тех жалких концертов от Москонцерта, которые мне светили (это в лучшем случае) до конца дней моих. Скажу честно, эта перспектива меня не вдохновляла. Я себя чувствовала дома, в Москве, нелюбимой падчерицей. Вообще-то я очень

любила Москву, здесь я родилась и выучилась, это был мой любимый город! Но... насильно мил не будешь! Я видела что-то ущербное в безответной любви евреев к России, вот уже все им толкуют: «Убирайтесь в свой Израиль!», а они бьют себя в грудь кулаком: «Мы же русские!». Нет, в России мы не русские, хотя и язык родной у нас русский, и культура наша родная — русская. Мне потребовалось много лет, пока я научилась выговаривать, да и чувствовать, что я русская. Потому что в Германии фраза «Я — еврейка» сразу рождала вопрос: «Ах, вы из Израиля?»

К общей ситуации в стране конца 80-х добавились трагические семейные события. Папа внезапно умер от инфаркта в 88-м году на 63-м году жизни. Для нас с мамой это было шоком, полной неожиданностью, в день смерти он ещё был на работе! И папина мама ещё была жива! Надо сказать, что у нас в семье папа был стержнем, лидером — блестящий, остроумный, шумный, но и очень теплый и любящий. Его все любили, и сотрудники на работе, и друзья, и родственники. Если кому-то что-то было нужно — помощь, совет — все приходило к папе. Он всем всегда помогал. Я не знаю другого такого человека, на которого можно было бы так положиться. Кем для меня был папа, я поняла, когда его не стало... У меня было ощущение, что ушла почва из-под ног, мне не за что ухватиться и я болтаюсь в воздухе... Эту травму я переживаю до сих пор. Не было дня с его смерти, чтобы я о нем не вспоминала — по каждому поводу я думаю, что сказал бы папа. Он был очень остроумен. Любил цитировать «12 стульев» и «Золотого телёнка», обожал Зощенко и Бабея.

Мои родители: Ефим Александрович Кушнеров и Инна Львовна Кушнерова (папино 50-летие)

А вот его его стихотворение, написанное к моему трёхлетию:

На Заморёновке⁴ проклятой,
Среди соседей-сволочей,
Своею дочерью прекрасной
Гордился старый Кушнерей.

С папиной смертью наш дом сразу осиротел. Осталась мама, какая-то потерянная, уже к тому времени на пенсии, и почти беспомощная бабушка (мамина мама). Я училась в аспирантуре. Мама бегала по магазинам, стояла в очередях, пытаясь добыть что-либо съестное. Для годовалой Мариночки невозможно было достать детское питание. Мы занимали очередь в детскую кухню с шести часов утра и дрожали, что ничего нам не достанется... О финансовом положении даже не хочу говорить. Работал только Дима, его зарплата таяла на глазах, я ужасно страдала от аллергии — мои руки были похожи на кровавое месиво — каким-то непонятным образом у меня одновременно были взаимоисключающие болезни — экзема и нейродермит. Не помогало ничего. Мне приходилось при игре менять аппликатуру таким образом, чтобы растяжки доставляли минимум страданий. Мариночка непрерывно болела. Через два года после папиной смерти мы решили, что ждать больше нечего. Дело было не только и не столько в тяжёлом нашем положении, главное было — отсутствие перспектив. В Советской России люди поколениями жили в надежде на лучшую жизнь, у меня не было ни малейшего желания продолжать эту традицию и надеяться, что мой ребенок будет жить лучше. Мне всё не нравилось, всё меня раздражало, и не было веры в то, что когда-нибудь ситуация изменится. Всё и вся меня просто выдавливало из страны. Мои знакомые, встречая меня где-то около Консерватории, делали большие глаза и спрашивали в изумлении: «Ты ещё здесь? Ты разве не уехала? А чего ты здесь делаешь? Кто-то видел тебя в Америке, все думают, что ты давно уехала»... А как-то раз, году в 89-м, и мой бывший профессор «озвучил» тот же вопрос: «А почему ты не уезжаешь? Шансов у тебя здесь нет, тебя уже все списали, попытай счастья где-нибудь в другом месте. Ты же еврейка! Можешь уехать!»

Я поняла, что меня уже проводили, профессионально «заживо похоронили». Тем самым, мне просто очень облегчили задачу! И я всем бесконечно благодарна. Мне не надо было мучительно принимать решение, что делать, ехать — не ехать, мне не оставили выбора. И у меня появился бесценный шанс начать жизнь с белого листа.

Надо было начинать серьёзно заниматься возможностью эмиграции. Сначала мы подали заявление на отъезд в Америку. Ответа не дождались. Вторично я подала документы на эмиграцию всё в ту же Америку в день путча 1991 года, прямо из Америки, где я оказалась

⁴ улица Заморёнова на Пресне, где мы жили в коммунальной квартире.

как раз в это время. (Как выяснилось позднее, результат был тот же. Америка отпала.) Отослав заявление на эмиграцию, я полетела обратно в Москву.

То есть, конечно, сразу улететь было невозможно. В это время находилась я в Вашингтоне, в квартире папиных московских знакомых, супружеской пары с ребёнком, которые недавно эмигрировали в Америку. И вот сижу я у них, мы разговариваем, пьём чай, а телевизор себе работает, и мы ему совершенно не мешаем. И вдруг слышим: в Москве военный переворот... Мои друзья в ужасе, у них в Москве осталась бабушка, которую они собирались забрать позже, да и я в шоке! У меня в Москве мама, муж и ребёнок! Я намеревалась ещё неделю погостить в Вашингтоне. Что делать? Начинаем звонить в аэропорт, чтобы срочно лететь в Москву. Мне отвечают холодным голосом: «Полёты в Россию отменены, в Москве военный переворот»... У меня начался колотун. Что делать? Как быть? Звоню каждый час, ответ один: «Полёты в Москву canceled, в Москве военный переворот». Я отправляю ещё раз анкету на эмиграцию и сижу, еле сдерживаю дрожь. Мои друзья ничем помочь не могут, они и сами ещё не адаптировались, они даже боялись звонить, плохо понимали по-английски, звонила я сама. Как я провела эту ночь, не знаю. В уме страшные картины — вся семья в Москве, а я сижу в Штатах и не имею ни малейшего понятия, как оттуда выбраться. По телевизору целыми днями крутят одни и те же кадры — танки в Москве, потерянные люди, в общем, кошмар!

Не помню, на следующий день или через день мне, наконец, удастся зарезервировать билет на первый возможный рейс в Москву. Когда полетит самолет, толком сказать никто не может.

И вот я прибываю в аэропорт. Найти мой рейс просто — там сплошные камеры, телевидение, журналисты и очень мало желающих улететь в Москву. Летит, кроме меня, ещё несколько сумасшедших. Ко всем пассажирам сразу подъезжает камера и начинаются вопросы: «Зачем вы летите? Вы не боитесь, что вас сразу у трапа самолета арестуют? Почему не хотите попросить политического убежища?» Я объясняю, что у меня в Москве мама, маленький ребенок и муж. Мне все сочувствуют и желают удачи. По глазам вижу, в пожелания свои они ни минуты не верят.

Итак, я в почти пустом самолете «Аэрофлота». Пилот говорит прочувственные слова, благодарит соотечественников за мужество и намекает, что, помимо путча, мы летим через ураганную зону, и чтобы все были обязательно пристегнуты в течение всего полета. Впервые в жизни я выбираю себе место по вкусу, и даже не одно, а целый ряд. Благо, этих свободных рядов на порядок больше, чем желающих лететь. Через некоторое время нас начинает трясти. И не просто трясти, а по-настоящему. Я сижу и думаю: «Вот упадёт сейчас самолет, и получится ужасная глупость. Мало того, что я подвергаю себя и своих родных опасности (шутка ли сказать, из самой Америки гостья!), так я сейчас ещё и паду «смертью

храбрых!»! Тогда же мне пришло в голову, что не вредно было бы помолиться, что я и делала, как умела. Тогда я впервые пережила настоящий страх в полете и, может быть, узнала, что испытывает человек перед катастрофой. С тех пор я летала бесчисленное количество раз, но этот полет по силе и амплитуде турбулентности всё ещё держит почетное первое место.

Через некоторое время пилоту удалось-таки выйти из зоны урагана, и дальше мы летели спокойно. Во время полёта нас всё время информировали о положении дел на родине. И, когда мы уже почти подлетали к Москве, пилот объявил дрожащим от волнения голосом: «Дорогие мои пассажиры, дорогие соотечественники! Хочу вас проинформировать, что путч побежден, мы отстаивали свободу! Путчисты арестованы, мы победили!» Мы все повскакали со своих мест и начали обниматься со слезами на глазах и поздравлять друг друга. До сих пор этот момент остается одним из самых эмоциональных в моей жизни!

Когда мы приземлились, Дима встретил меня в аэропорту и сказал, что во время путча умерла моя бабушка Маня — папина мама... Папы к тому времени уже не было в живых 3 года...

После этого отступления возвращаюсь к основному повествованию.

Повторюсь: на мой запрос во время путча Америка ответила гробовым молчанием. На ней мы поставили крест.

И тут, неожиданно, в 1991 году появилась новая возможность. Германия в порядке «заглаживания вины перед евреями» открыла программу по приёму евреев из бывшего Советского Союза в качестве «контингентных беженцев» (Kontingentflüchtlinge). Конечно, с одной стороны, это был блестящий вариант, Германия! Центр Европы и центр классической музыки. Тут даже не надо было привыкать к культуре — мы выросли на немецкой музыке! С другой стороны, надо было преодолеть некоторые... ну как бы это помягче выразиться, предубеждения... Требовалась доля здорового оппортунизма, чтобы решиться на такой шаг. То, что я учила всю жизнь английский (так толком его и не выучив) и надо будет учить новый язык, меня не беспокоило. Я была уверена, что, если возникнет жизненная необходимость, сумею освоить любой язык. (Хотя в скобках должна заметить, что наши попытки учить немецкий в Москве не принесли никаких результатов. Он просто не влезал в голову, вытесняемый постоянными заботами и дурацкими проблемами, из которых состояла наша тогдашняя жизнь.)

А ещё, очень заманчиво было, что мы могли уехать всей семьей и нас ждала на первых порах финансовая поддержка, пока Дима или я не найдем работу. Уговорить мою маму и

особенно свекровь было непросто. Но когда нам это, наконец, удалось, именно моя свекровь развила бурную деятельность по воплощению этой идеи в жизнь.

В порядке подготовки к эмиграции мы с Димой решили получить, а попросту говоря, купить автомобильные права. Так как всем было известно, что на Западе сдать экзамены на права значительно сложнее и дороже. Мы исправно посещали курсы по вождению, а попутно мои друзья учили меня водить машину. Наш «жигулёнок», осиротевший после смерти папы, сначала наотрез отказывался меня принять, брыкался, кричал (в прямом смысле этого слова) и сопротивлялся, как мог! Я давно мечтала водить машину, но папа очень за меня боялся и не разрешал садиться за руль. Он считал, что с моим темпераментом водить машину противопоказано. Волновать его мне не хотелось, поэтому и не училась водить. «Жигулёнок», наверное, это чувствовал, но всё же, при помощи моих друзей, он постепенно смирился со мной как с водителем и начал, хоть и неохотно, меня слушаться. У Димы дела обстояли хуже. Его учить было некому, так что брал он уроки у инструкторов, один из которых больше всего на свете боялся, чтобы его машину, не дай Б-г, не повредили. В связи с чем он успешно закомплексовал своего ученика (хотя у другого инструктора Дима быстро делал успехи). Настал день экзамена, на который мы, несмотря на заплаченные 80 баксов за человека — что для нас было несусветными деньгами — все же должны были явиться. Я, к своему изумлению, сдала экзамен легко, а Дима продемонстрировал все грани своего мастерства. Под его чутким руководством мотор сначала страшно взревел, потом машина резво скакнула вперед и сразу заглохла. Экзаменатор только крикнул, но, как говорится, все уже было «уплочено», так что права нам выдали, в «обмен» на обещание, что в этой стране мы ими не воспользуемся.

Моя свекровь, проявив свойственную ей стремительность, подала заявление в немецкое консульство чуть ли не в первых рядах — в марте 1991 года. Нам оставалось только сидеть и ждать разрешения на выезд. Ждали мы год. В начале 1992 года желанное письмо было, наконец, получено. Нам был дан срок, по-моему, до конца 1992 года для въезда в страну. Как раз перед этим я получила очень заманчивое приглашение на профессорское место в Китае. Получилось это достаточно фантазмагоричным образом.

Мои выступления от Москонцерта продолжались, раз в год мне давали возможность сыграть концерт в Москве. На этот раз — в замечательном Гнесинском зале.

Так как концерты не рекламировались и афиш не было, то о публике надо было заботиться самому музыканту. Чтобы кое-как заполнить зал, мама и свекровь часами обзванивали всех знакомых и родственников. Один коллега Димы привёл на концерт своего китайского друга Чень Юаня, который, по-видимому, не ожидал от концерта ничего особенного и пришёл просто из вежливости. Но после первого отделения он сбегал в ближайший цветочный ларёк, купил огромный букет цветов и преподнёс его мне на сцену. Я была пора-

жена — цветы обычно дарили только знакомые! После концерта Чень Юань зашёл в артистическую, представился, наговорил мне комплиментов на английском (по-русски он не говорил) и ещё упомянул вскользь, что его отец работает в Министерстве культуры и что они как раз ищут русских преподавателей. Вскоре пришло и официальное приглашение на работу в Китай, на профессорскую должность в городе Тянджин, к востоку от Пекина, на очень заманчивых условиях. И тут же, буквально сразу, мы получили разрешение на выезд в Германию. Надо было выбирать...

В общем, началась подготовка к отъезду. Это было сумасшедшее время. Во-первых, надо было как-то освободить квартиру, которая была завалена вещами. Во-вторых, нужны были деньги, чтобы купить пять билетов в Германию (маме, свекрови, Диме, Мариночке и мне).

Для решения первой проблемы мне посоветовали попробовать продавать вещи на рынке. Таким образом, мы убивали сразу двух зайцев — избавлялись от ненужных вещей и немало зарабатывали денег. Этим делом мы и занялись. Таскали тюки со старыми вещами на Тишинский рынок и там поначалу довольно бойко ими торговали. Вырученные деньги быстро таяли — инфляция их моментально съедала. Только набиралась искомая сумма, как дорожали билеты. В результате образовалась какая-то дикая «закольцованная формула». Чтобы купить билеты, помимо денег, нужна была какая-то отметка из посольства, а эту отметку ставили только при наличии билетов. Уже не помню, как была решена эта задача. Все преграды в конце концов с невероятными усилиями были преодолены. Билеты были куплены, визы получены. Приглашение из Германии благополучно переведено на русский. (Нас ожидали в земле Баден-Вюртемберг, в городе Эссlingen около Штутгарта.) Наши документы были переведены на немецкий и заверены таинственными апостильями (о которых, как показала жизнь, в Германии никто даже не слышал). Книги были посланы на адрес моих итальянских друзей, так как в Германии у нас знакомых не было.

Начались выяснения, что нужно брать в Германию. Мнения на этот счёт разделились. Одни говорили, что ничего брать с собой не надо, потому что ТАМ всё есть. Другие же советовали брать с собой все, что можно взять, начиная с кастрюль и кончая гвоздями; за границей, дескать, всё стоит денег, а денег у вас не будет. Мамы единогласно выбрали второй вариант, сопротивление было бесполезно. Специально для таких, как наши мамы, существовала возможность послать большое количество «нужных» вещей в контейнерах («малой скоростью»), потому что ни один самолет не смог бы взлететь с таким количеством багажа. Не могу этого всего вспоминать без слёз — и смешно и грустно. Чего мы только не набрали! Покупали тёплые вещи на рынках, упаковывали все, что попадалось под руку — постельное белье, одеяла, подушки, скатерти, посуду, ложки-ножи-вилки, обувь, одежду, шубы... и конечно, книги, книги, книги, ноты, ноты, ноты... Помню, как на

таможне это всё проверяли, и, когда дело дошло до старых изношенных башмаков моей свекрови, их послали на особый рентген. Что там искали, я точно не знаю, но даже русским таможенникам показалось абсурдом, что за границу, за свои деньги, можно послать такое старьё.

День отъезда неотвратимо приближался, мы со всеми прощались, был сыгран последний концерт в Москве — 9 декабря 1992 года в музее Скрябина, билеты были куплены на 16-е. Сразу скажу, что отъезд остался в полном тумане, не помню ничего: ни что мы делали в последние дни, ни кто нас провожал в аэропорт. Помню только, что 16 декабря 1992 года мы впятером с огромным количеством вещей, упакованных в специально пошитые для этой цели баулы, вылетели рейсом «Аэрофлота» Москва – Франкфурт. Через 3 часа мы приземлились в одном из самых больших аэропортов Европы — Франкфурте-на-Майне.

Продолжение следует.

04.09.2017

Елена Кушнерова — пианистка. Родилась в Москве, окончила ЦМШ при Московской консерватории им. П. И. Чайковского по классу Т. Е. Кестнер, МГК и аспирантуру МГК по классу проф. С. Л. Доренского.

Международная карьера началась после отъезда в Германию в 1992 году. Елена выступает с концертами во многих странах Европы, Азии и в США как солистка, с оркестрами и камерными концертами в разных составах. С 2002 года является артистом Стейнвея (Steinway Artist). С 2006-го по 2014 г. была постоянным приглашённым профессором Elisabeth Music University в Хиросиме (Япо-

ния). Ведёт мастер-классы в Японии, Корее, Тайване, Германии и США. С 2011-го проводит мастер-классы в Баден-Бадене.

Репертуар Елены Кушнеровой содержит, помимо стандартной литературы от Баха до наших дней, сочинения, специально для неё написанные.

Имеет большое количество записей, как на радио, так и на компакт-дисках, многие из которых удостоены престижных призов и отмечены высокими оценками критиков. В своей книге «Великие пианисты современности» ("Die großen Pianisten der Gegenwart") Юрген Оттен называет Елену Кушнерову одной из трёх крупных российских пианисток. В 2015 году награждена в России медалью «За вклад в развитие музыкального искусства».

Елена Кушнерова также пишет рассказы из своей жизни. Некоторые из них изданы в журнале Евгения Берковича «Семь искусств», а также в журналах «Апраксин блюз», «Горожанка», «Этажи», «Катюша». В 2016-м за свои рассказы в сетевом портале «Заметки по еврейской истории» и «Семь искусств» награждена дипломом «Автор года 2015» в двух категориях. В 2018 г. стала победителем конкурса «Автор года 2017» сетевого портала «Заметки по еврейской истории». В 2018 году в Arcus NY выпустила книгу рассказов «Песни странствующего подмастерья».

Елена Кушнерова – редактор «Музыкальной гостиной» журнала «Этажи».

В настоящее время проживает в Баден-Бадене и Нью-Йорке.

Адреса в интернете: <http://elenakuschneroва.com>

[https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Кушнерова, Елена Ефимовна](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Кушнерова,_Елена_Ефимовна)

<http://youtube.com/elenakuschnerovapianist>

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСТНИК	1
К ЧИТАТЕЛЯМ	2
НОВОСТИ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	3
НАШИ ИСТОКИ.....	4
Б. Л. Бразоль: Речь в Нью-Йорке к 100-летию со дня гибели Пушкина	4
НЬЮ-ЙОРКСКИЕ АРТ-ФЕСТИВАЛИ.....	12
Виталий Орлов: Фестиваль искусства и музыки.....	12
Наталья Пиллер: О первом фестивале в японском зале.....	14
Нина Румянцева: Разговор с драматургом Джонатаном Лифом	20
Борис Борукаев: ПушкинФест 2019	23
КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ	26
23 января: <i>Just to land in Tokyo</i> в Tenri Culural Institute.....	26
27 января: Book Cafe на Стейтен Айленде	26
3 февраля: «Литературный маскарад»	26
22 марта: Презентация книги «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы» в Хорватии.....	27
29 марта: Выступление Анны Немеровской.....	27
31 марта: Наталья Асенкова и Марк Белицкий в Book Cafe	27
13 апреля: «Борис Чичибабин и Евгений Евтушенко».....	28
14 апреля: Концерт камерной музыки.....	28
19 апреля: Поэтическое выступление	28
22 апреля: Открытие представительства ПО в Квинсе	29
3 мая: Рахманинов, «Рапсодия многообразия».....	29
12 мая: Выступление Ури Литвака	29
17 мая: Выставка гильдии художников ПО.....	30
19 мая: «Достижения современной фотографии».....	30
26 мая: Литературно-музыкальный вечер в Book Cafe.....	30
31 мая: Встреча Пушкинского общества в Квинсе	31
6 июня: День рождения А. С. Пушкина	31
8 июня: День Пушкина в культурном центре Н.Е.С.....	31
9 июня: Выступление Аркадия Пьянина	32

20 июня: «Англоязычная литература в русских переводах».....	32
29 июня: «Венецианская мелодия»	32
«ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В ЗАГРЕБЕ. Жизни и судьбы».....	33
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЬБЫ.....	36
Татьяна Квитницкая-Рыжова: БЫТЬ КАТЕРИНОЙ.....	36
ПОЭЗИЯ.....	46
Конкурс «45-й калибр» на портале«45-я параллель»	46
Валерий Сосновский: ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН	46
Павел Лукьянов: ОСЕНЬ №40.....	50
Татьяна Ананич: МОЙ ШЕПОТНЫЙ КРИК.....	54
ПРОЗА	56
Валерий Бочков: ГРЕХ НОМЕР ПЯТЬ	56
Елена Кушнерова: ЭМИГРАЦИЯ.....	74
СОДЕРЖАНИЕ.....	88

Автор идеи выпуска «Вестника»: *Р. В. Полчанинов*

Президент: *[Виктория Курченко](#), к.и.н.*

Ответственный редактор: *[Дмитрий Гаранин](#)*

Редколлегия: *[Борис Борукаев](#)
[Инна Грубмайр](#), к.ф.н.
[Наталья Мизури](#)*

Электронная почта: *DmitryGaranin<einschlag@gmail.com>*

Пушкинское общество Америки: *<http://www.americanpushkinsociety.com>*